

**МУЗЕЙ
ОЩУЩЕНИЙ:
ГЛУХИЕ И СЛАБО-
СЛЫШАЮЩИЕ
ПОСЕТИТЕЛИ**

**ОПЫТ МУЗЕЯ
СОВРЕМЕННОГО
ИСКУССТВА**

«ГАРАЖ» GARAGE

Все использованные в оформлении
сборника фотографии принадлежат
Музею современного искусства «Гараж»,
если не указано иное.

ISBN 978-5-9909716-9-1
© Музей современного искусства
«Гараж», Москва, 2019
Все права защищены

Музей современного искусства «Гараж» — место, где встречаются люди, идеи и искусство, чтобы создавать историю.

Основанный в 2008 году Дарьей Жуковой и Романом Абрамовичем Музей — первая в России филантропическая организация, направленная на развитие современного искусства и культуры.

Обширная программа выставочной, образовательной, научной и издательской деятельности, проводимая «Гаражом», отражает актуальные процессы в русской и международной культуре и открывает возможности для публичного диалога и создания новых произведений.

1 мая 2014 года Центр современной культуры «Гараж» стал Музеем современного искусства «Гараж», что отражает главную цель основателей «Гаража» — знакомство широкой публики с произведениями ныне живущих художников и материалами по истории искусства. 12 июня 2015 года «Гараж» переехал в свое первое постоянное здание на территории Парка Горького, в самом сердце Москвы.

The logo for the Garage Museum of Contemporary Art. It features the word "GARAGE" in a bold, black, sans-serif typeface. The letters are closely spaced. Above the letter "A" is a thick horizontal black bar. Below the letters "G" and "A" is another thick horizontal black bar, which is slightly shorter than the one above the "A".

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 Антон Белов. Вступительное слово
- 6 Мария Сарычева. От редактора-составителя
- 8 Краткий перечень терминов, использующихся в настоящем сборнике

Блок 1. Конструируя сообщество

- 12 Влад Колесников. Сообщество глухих: что мы имеем в виду?
- 15 Виктор Паленный. Краткая история сообщества глухих в России
- 28 Максим Ларионов. История борьбы за права глухих в России
- 36 Никита Большаков. Введение в Deafhood

Блок 2. Деконструируя культуру

- 44 Влад Колесников, Анна Комарова. Развитие калькирующей жестовой речи и русского жестового языка
- 55 Влад Колесников. История развития образования глухих и слабослышащих
- 61 Никита Большаков. Модели культурного потребления сообщества глухих

Блок 3. Деконструируя отношения

- 67 Ирина Гинзберг, Влад Колесников. Организация работы переводчика в музее: рекомендации из первых рук
- 75 Влад Колесников. Практические советы по организации и продвижению события для смешанных групп посетителей
- 81 Влад Колесников. Подготовка персонала: тренинги по пониманию инвалидности в Музее современного искусства «Гараж»
- 84 Эммануэль фон Шак. Создание инклюзивного пространства для позднооглохших посетителей и участников сообщества глухих, говорящих на американском жестовом языке

Блок 4. Конструируя опыт

- 90 Эммануэль фон Шак. Создание инклюзивного пространства для позднооглохших посетителей и участников сообщества глухих, говорящих на американском жестовом языке: некоторые примеры применения закона о доступности
- 94 Маркус Дики Хорли. Подготовка и проведение экскурсий и мероприятий для глухих посетителей в галерея Тейт Модерн и Тейт Британ
- 101 Мартина и Рос Ваттел. «Музей в жестах»: обучение глухих гидов и музейных сотрудников в Нидерландах

- 108** Влад Колесников, Мария Сарычева.
Курс подготовки глухих экскурсоводов: музеи Москвы
- 114** Влад Колесников. Курс «Музей для начинающих»
Музея современного искусства «Гараж»
- 119** Примечания

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В августе 2015 года Музей современного искусства «Гараж» открыл первый в России отдел инклюзивных программ. Под инклюзией мы понимаем создание условий, при которых абсолютно все посетители Музея могут принять участие в его жизни. В сотрудничестве со всеми службами Музея отдел инклюзивных программ делает события «Гаража» доступными для посетителей с разными формами инвалидности и разрабатывает адаптированные образовательные программы. Одна из целей отдела — создание условий для самостоятельного посещения «Гаража» взрослым человеком с инвалидностью. Отдел инклюзивных программ стал первым в России, где ежедневный труд его сотрудников полностью посвящен реализации этой цели.

С самого начала мы сталкивались с большим количеством страхов и стереотипов, но учились вместе с вами: с момента создания отдела инклюзивных программ Музей «Гараж» стремится вовлечь российское и зарубежное музейное сообщество в разговор о доступности музеев в России. Так, в 2015 году в партнерстве с фондом поддержки слепоглухих «Со-единение» сотрудники отдела провели первый тренинг «Музей ощущений» для представителей более чем 20 российских музеев из разных регионов страны. Трехдневная программа была посвящена передаче опыта по преодолению физических, социальных и коммуникативных барьеров при работе с глухими и слабослышащими, слабовидящими и незрячими, а также слепоглухими посетителями. Тренинг стал ежегодным, а его материалы послужили основой для данного сборника.

В 2016 году изменилось нормативно-правовое поле в сфере доступности культуры — и теперь инклюзия является одним из важнейших направлений развития музеев. Более того, теме инклюзии наконец стали посвящать круглые столы и дискуссии. Мы верим, что доступность музеев не территория для культурной

конкуренции, а поле сотрудничества. Именно поэтому мы решили описать весь опыт Музея современного искусства «Гараж» по увеличению его доступности для различных категорий посетителей, издав серию сборников под общим названием «Музей ощущений».

У музеев как институций долгая и противоречивая история: их часто обвиняют в элитарности и снобизме. Но каждый из музеев (независимо от характера и размеров коллекции) прежде всего выступает хранилищем историй из жизни человечества. Поэтому неудивительно, что хорошая экскурсия может буквально изменить посетителя, а музейное пространство — подарить массу возможностей для выстраивания принципиально новых моделей коммуникации: здесь можно обсудить экспонат с незнакомцем после экскурсии, посидеть в тишине музейного зала или вместе с ребенком принять участие в мастер-классе. «Гараж», как и многие другие музеи, проделал долгий путь — путь навстречу своему посетителю. Мы готовы развиваться дальше и — более того — готовы делиться своим опытом.

Антон Белов,
директор Музея современного
искусства «Гараж»

Отдел инклюзивных программ Музея современного искусства «Гараж» начал свою работу в 2015 году с адаптации экскурсий для слабовидящих и незрячих посетителей и проведения детских занятий с привлечением переводчиков жестового языка. В рамках выставки «Грамматика свободы / пять уроков. Работы из коллекции Arteast 2000+», рассказывавшей о судьбах неофициального искусства стран социалистического лагеря, мы провели первые экскурсии для глухих и слабослышащих взрослых посетителей. Экскурсия, переведенная на жестовый язык, стала катализатором часовой дискуссии о противоречивых историях стран Восточной Европы и индивидуальном опыте глухого в СССР, и мы приняли решение не останавливаться и развивать взаимодействие с сообществом глухих и слабослышащих. С тех пор экскурсии с переводом на жестовый язык стали неотъемлемой частью публичной программы, а комментарии на жестовом языке благодаря включению в экспозицию проекта «Единомышленники» сделались привычным элементом выставок для всех посетителей Музея.

Как и многие слышащие подростки из постсоветских стран, первые знания о глухоте я получила из фильма «Страна глухих». Между слышащими и глухими нет постоянного контакта — именно поэтому первый блок настоящего сборника — «Конструируя сообщество» — призван объяснить, что понимается под термином «сообщество глухих». В этом блоке собраны очерки о различных концепциях глухоты, об историческом развитии этих концепций, а также предпринята попытка написать хронику жизни глухих как в СССР, так и в России.

Второй блок — «Деконструируя культуру» — посвящен системе образования глухих и моделям культурного потребления этого сообщества. Рассматривая глухоту в рамках социокультурной (социальной) модели понимания инвалидности важно помнить, что глухие — лингвистическое меньшинство. Хотя русский жестовый

язык (РЖЯ) с 2012 года признан самостоятельным полноценным языком, использование РЖЯ в системе образования и в публичном пространстве по-прежнему далеко не повсеместно и, более того, становится поводом для дискуссий.

Третий блок — «Деконструируя отношения» — представляет собой своего рода список рекомендаций, которые, мы надеемся, поддержат вас и ваш музей в процессе работы с новой аудиторией. Все советы, данные в этом блоке, выработаны в процессе работы отдела инклюзивных программ Музея «Гараж».

Сборник «Музей ощущений», посвященный опыту работы Музея «Гараж» с сообществом глухих, лично для меня отличается от всех остальных. Формальная история развития программ для глухих тесно связана с моей дружбой с Владом Колесниковым, представителем сообщества глухих, носителем и переводчиком РЖЯ и сурдопедагогом. Именно благодаря нашему общению, моим несколько наивным вопросам и его всегда обстоятельным ответам адаптация программ проходила в дружеской атмосфере, работа с глухим сообществом была построена на принципах поддержки и постоянного обмена мнениями.

Благодаря работе с Владом, поддержке со стороны институции, энтузиазму множества сотрудников «Гаража», «видимости» глухих и слабослышащих посетителей внутри Музея к разговору о доступности культуры для глухих и слабослышащих подключилось множество институций. В партнерстве с московскими и зарубежными коллегами, которые делились своим опытом, была разработана программа подготовки глухих экскурсоводов. Сейчас это сообщество глухих экскурсоводов «Жест в музее» вместе с участниками экскурсий конструирует новый опыт для нового поколения глухих и слабослышащих посетителей. Именно этому международному обмену, заимствованию, перетеканию и видоизменению программ посвящен четвертый блок сборника — «Конструируя опыт». Мы надеемся, что эта и многие другие инициативы позволят жить в лучшем будущем — будущем, которое мы прежде не могли себе представить, но которое уже начали создавать.

Мария Сарычева,

координатор отдела инклюзивных программ Музея современного искусства «Гараж» в 2015–2016 годах

КРАТКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ТЕРМИНОВ, ИСПОЛЗУЮЩИХСЯ В НАСТОЯЩЕМ СБОРНИКЕ

Инклюзивное событие

Мероприятие, рассчитанное на участие и взаимодействие посетителей с инвалидностью и без.

Дактиль

Воспроизведение букв алфавита в воздухе посредством пальцев руки.

РЖЯ (Русский жестовый язык)

Самостоятельный, естественно возникший язык общения глухих и слабослышащих людей, в котором каждое слово — это жест, воспроизводимый руками в сочетании с мимикой, движением губ и положением корпуса тела. Имеет свою лингвистическую структуру, отличную от структуры словесного языка. В каждой стране свой жестовый язык.

Калькирующая жестовая речь

Передача речи слышащего человека посредством жестов, при которой сохраняется лингвистическая структура словесного языка.

Переводчик жестового языка

Специалист, осуществляющий прямой перевод с устной речи на жестовый язык, а также обратный перевод с жестового языка на устную речь.

Тифлосурдопереводчик

Переводчик, работающий со слепо-глухими, осуществляет прямой и обратный перевод. Перевод осуществляется в руку слепо-глухому — дактилем и жестами.

Кохлеарная имплантация

Система мероприятий, направленная на восстановление слуха у глухого. Включает в себя операцию по установке кохлеарного импланта, а также послеоперационные мероприятия и психолого-педагогическую реабилитацию.

Кохлеарный имплант

Аппарат, состоящий из двух частей. Внутренняя часть — сам имплант — хирургическим путем помещается под кожу головы и в ушную улитку. Внешняя часть, речевой процессор, располагается за ухом, а круглой частью соединяется при помощи магнита с имплантом.

CODA (Children of Deaf Adults, «Дети глухих родителей»)

Международная организация, основанная в США в 1986 году. На сегодняшний день ее отделения есть во многих странах мира.

IS (International Sign, также Gestuno (жестуно))

Международные жесты, используемые глухими разных стран для коммуникации на различных формальных и неформальных международных мероприятиях: конгрессах, конференциях, лагерях, фестивалях и т. д. Не является языком в лингвистическом смысле, поскольку не имеет структуры.

ВОГ (Всероссийское общество глухих)

Общественная организация глухих и слабослышащих. Имеет центральный офис в Москве, 82 региональных отделения, в их числе Московская городская организация ВОГ.

Индукционная петля

Система подачи звуковой информации в общественных и социально-значимых пространствах (вокзалы, больницы и другие) для оповещения и усиления звука для слабослышащих людей и людей, использующих слуховые аппараты.

Важно

Пожалуйста, в разговоре о глухих и слабослышащих и с посетителем, имеющим нарушения слуха, старайтесь использовать термины «слабослышащий» и «глухой» (в зависимости от степени нарушения слуха), но ни в коем случае не «глухонемой». Сегодня термин «глухонемой» является некорректным — большинство глухих может говорить голосом, но по ряду причин предпочитает использовать в общении жестовый язык. Это связано среди прочего с тем, что речь глухого отличается от привычной слышащему. Также отказ глухого говорить голосом зачастую обусловлен признанием за сообществом статуса культурно- и социолингвистического меньшинства, формированию которого способствовал русский жестовый язык. В свое время Всероссийское общество глухонемых было переименовано во Всероссийское общество глухих. Подобные изменения характерны не только для русского языка. Например, в английском языке устаревшим понятием, на данный момент имеющим оскорбительные коннотации, является термин deaf-mute, на смену которому пришло deaf/Deaf.

БЛОК 1.

КОНСТРУИРУЯ

СООБЩЕСТВО

СООБЩЕСТВО ГЛУХИХ: ЧТО МЫ ИМЕЕМ В ВИДУ?

Влад Колесников — сурдопедагог-дефектолог,
переводчик русского жестового языка

Сообщество глухих (или глухое сообщество), как и множество других сообществ, чрезвычайно разнообразно по своей структуре. Прежде всего стоит отметить, что в так называемое сообщество глухих входят не только глухие, но и слабослышащие. В медицине разделяют четыре степени нарушения слуха: первая — самая легкая и незначительная, когда человек может спокойно обходиться без слухового аппарата и практически не отличается от слышащего, а четвертая граничит с глухотой. Следует понимать, что тотально глухих людей в мире единицы — даже при диагнозе «глухота» человек благодаря слуховому аппарату может порой слышать громкие звуки.

Что именно структурирует сообщество глухих? В первую очередь — это среда, в которой родился и рос глухой или слабослышащий. Так, у слышащих родителей может родиться глухой или слабослышащий ребенок. Или родители глухого или слабослышащего ребенка могут принять решение отдать его в специализированный детский сад и/или в специализированную школу. В этом случае ребенок зачастую воспитывается как бы одновременно в двух культурах — культура слышащих и культура глухих имеют различия. Бывает, что потеря слуха происходит в детском или подростковом возрасте. В таком случае ребенок может учиться в обычной школе, то есть находится в среде слышащих, а к миру глухих приобщается значительно позже — и культуру глухих такой человек изучает больше с точки зрения слышащего, поэтому ему могут быть понятны не все аспекты этой культуры. Бывает, слышащие родители принимают решение сделать кохлеарную имплантацию своему ребенку. Люди с кохлеарными имплантами — это уже совсем другая группа внутри сообщества. Нельзя забывать и о том, что у глухих родителей далеко не всегда рождаются глухие дети: слышащие дети глухих родителей тоже растут в двух культурах одновременно. Однако глухота вполне может быть наследственной, и есть семьи, где целые поколения — глухие и слабослышащие. Все эти группы имеют свои особенности, их подходы к воспитанию и развитию ребенка разнятся.

Вторым структурообразующим элементом в сообществе глухих является владение жестовым языком и его использование. Некоторые

слабослышащие дети, выросшие в семье слышащих родителей, даже несмотря на значительную потерю слуха и обучение в специализированных школах (а значит, постоянное пребывание среди других глухих и слабослышащих), сознательно отказываются от жестового языка в любом его проявлении. Такие люди не относят себя к сообществу глухих, а значит, не идентифицируют себя с его проблемами, хотя и сталкиваются с теми же барьерами. Разделение по принципу регулярного общения на жестовом языке также имеет место. Одни придерживаются принципа общения на калькирующей жестовой речи (КЖР, копирование структуры словесного русского языка жестами слово в слово), а другие ратуют за чистоту русского жестового языка (который имеет самостоятельную лингвистическую структуру, совершенно отличную от словесного русского языка). Чаще всего, приверженность КЖР или РЖЯ зависит от степени владения глухим (или слабослышащим) русским языком, но также может быть и личным выбором глухого. Глухие, грамотные в русском словесном языке, как правило, общаются на калькирующей жестовой речи, поскольку считают, что РЖЯ не позволяет глухому стать грамотным, а это необходимо для полноценной интеграции в общество, для повышения уровня жизни. Глухие, которые неграмотны в русском словесном языке, общаются на русском жестовом языке и отмечают, что жестовый язык — это часть их культуры. Неграмотные в русском словесном языке глухие зачастую не понимают калькирующую жестовую речь, искажают смысл прочитанного или вовсе не воспринимают текст. Противостояние сторонников КЖР и РЖЯ наблюдается не только в межличностном общении, но и среди представителей региональных отделений Всероссийского общества глухих.

Политика общественных организаций и «ситуация на местах» также сильно влияют на структуру сообщества глухих. Так, Московская городская организация ВОГ стремится укрепить русский жестовый язык — именно московское отделение инициировало признание РЖЯ полноценным языком на законодательном уровне. 30 декабря 2012 года РЖЯ был признан в России самостоятельным полноценным языком. Однако, несмотря на это, в Санкт-Петербургском региональном отделении ВОГ считают, что русский жестовый язык мешает развитию глухого, его грамотности, поэтому следует использовать только калькирующую жестовую речь (причем в качестве вспомогательного инструмента). Глухие и слабослышащие Санкт-Петербурга привыкли к такой позиции «сверху», хотя между собой, в быту общаются преимущественно на русском жестовом языке.

Указанные выше контекстуальные особенности влияют на ту множественность методов, которые можно использовать для создания

Глухие посетители на выставке в Музее современного искусства «Гараж»

доступной среды внутри музея. Знание особенностей конкретно вашей аудитории сделает программы популярными, а понимание различий обеспечит пользу для отдельно выбранных категорий посетителей и сократит ситуации множественных дискриминаций. Движение людей с инвалидностью за свои права вполне уместно сравнить с борьбой женщин за свои права в конце XIX — начале XX века или с движением афроамериканцев за равенство в 1950–1960-е. Борьба против дискриминации людей с инвалидностью продолжается и сегодня, несмотря на появившуюся в 2006 году Конвенцию ООН о правах инвалидов. Основная сложность заключается в преодолении поведенческих барьеров и стереотипов, которые сформированы слышащими по отношению к сообществу глухих. Настоящая статья посвящена изменению правового статуса глухих и слабослышащих: права на труд, права на образование и права на возможность говорить на родном языке.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СООБЩЕСТВА ГЛУХИХ В РОССИИ

Виктор Паленный — педагог, историк и журналист

На протяжении многих веков глухие составляли «униженное и оскорбленное» меньшинство, которому не находилось места на страницах исторических трудов. В книгах по сурдопедагогике глухих людей, их историю и повседневную жизнь обычно оставляют за скобками: авторов интересуют только методики обучения и «великие учителя» неслышащих детей, хотя «молчаливому меньшинству» есть что сказать.

В изучении прошлого и настоящего глухих людей нас в первую очередь интересуют свобода выбора, проблемы самореализации личности, ее идентичности. Исследователи истории глухих ищут ответы на вопросы о том, что значит быть глухим в разные эпохи, каковы статус и карьерные возможности представителей глухого сообщества.

Ниже представлен краткий обзор основных вех истории глухих в России, который, мы надеемся, поможет лучше понять положение глухого человека в обществе той или иной эпохи.

1649

В «Соборном уложении» царя Алексея Михайловича есть пункт, защищающий права глухих на получение наследства.

1760
–
1799

Появление в Европе первых специальных училищ для глухонемых — в Париже (аббат Ш.-М. де л'Эпе), в Эдинбурге (Т. Брэдвуд), в Лейпциге (С. Гейнике) и т. д. Сведения об этих учебных заведениях просачиваются в Россию.

Екатерина Великая ведет переписку с аббатом де л'Эпе.

1806

Учреждение первого в России училища глухонемых в Павловске, в замке Мариенталь (др. названия — Бип, Бибс).

Императрица Мария Федоровна встречает на прогулке в Павловском парке глухонемого мальчика Александра Меллера. В семье отца мальчика два сына и дочь родились без слуха.

1821

Воспитанник Санкт-Петербургского училища глухонемых художник Н. Ивашенцов создает литографию «Ручная азбука глухонемых» — первую в России дактильную азбуку.

1833

Предоставление грамотным глухим права управлять и распоряжаться своим имуществом наравне с прочими совершеннолетними.

«Глухонемой, говоря откровенно, не хуже и не лучше других людей, он несет в себе одинаковые страсти, владеет одинаковыми возможностями усовершенствования; всю разницу, которая в нем заметна, можно приписать обстоятельствам» (В. Флери «Глухонемые...», 1835).

1860

Основание училища в Москве, которое впоследствии получило название Арнольдо-Третьяковского училища глухонемых.

Основатель училища глухой И. Арнольд получил образование за рубежом и перед возвращением в Россию изучил методы образования глухих в Германии. П. Третьяков, основатель Третьяковской галереи, выступил меценатом училища.

1898

Учреждение Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых. Попечительство открывает мастерские, дома трудолюбия, школы, учебные мастерские, приюты.

По переписи 1897 г. общее число глухонемых в Российской империи составляет 124 513 человек, из них более 40 000 — глухие дети школьного возраста.

1904

Создание Санкт-Петербургского общества глухонемых, которое возглавил Н. Дейбнер. В течение первого года правлением устроено 11 вечеров, а всего в обществе на конец года — 72 человека.

1917

Митинги глухих в Москве и Петрограде приводят к организации I Всероссийского съезда глухонемых. Участие в его работе принимают 36 делегатов из разных городов России. Создан Всероссийский союз глухонемых (ВСГ).

Первый номер петроградской газеты «Жизнь глухонемых» выходит с программным заявлением: «Мир глухонемых связан с миром говорящих, в то же время сам по себе он достаточно велик и индивидуален» (1916).

Член Петроградского комитета глухонемых, актриса Е. Минасова предлагает упразднить термин «глухонемой»: «Человек, назвавшийся “глухонемым”, является для слышащего чем-то вроде идиота. Такое предвзятое, отрицательное мнение, как ярлык, наклеивается на все наши попытки доказать противное, служит преградой всем нашим начинаниям, вызывает отчуждение от общества других людей. ...Мы должны именоваться только “глухими”» [ГАРФ. Ф. 511. Оп. 1. Д. 1. Л. 256–257]. Никто из делегатов ее не поддерживает, причем некоторые ссылаются на Евангелие, где слово «глухонемой» встречается в речах Христа.

1918
—
1920

Регистрация Московского клуба глухонемых. Организация в 1919 г. театра глухонемых, подведомственного Театральному отделу Наркомпроса. В 1920 г. на Пятницкой улице открывается Дом глухонемых с мастерскими и общежитиями, баней, школой грамоты.

В 1919 г. в Петрограде отдел социального обеспечения выделяет помещение под Дом труда и просвещения глухонемых, в котором работают общежитие, столовая, клуб и школа грамоты, мастерские.

1920
—
1924

В 1920 г. проходит II Всероссийский съезд глухонемых, в работе которого принимают участие 32 делегата от 15 организаций. Большевицкая власть не желает терпеть «самоуправство» глухих и требует от образованной в августе 1920 г. ячейки РКП(б) глухонемых ликвидации ВСГ.

Ликвидация ВСГ вызвала возмущение у глухих: «...мы протестуем против применения к нашему Союзу пережитков жандармской идеологии, по которому ассоциация свободных граждан — вредна и не нужна для государства, ибо закон, мол, достаточно хорошо обеспечивает их» [ГАРФ. Ф. 511. Оп. 1. Д. 3. Л. 107 об.].

В Москве и Ленинграде ячейки РКП(б) занимаются политическим воспитанием в клубах, открывают кружки, проводят лекции, доклады.

В 1924 г. выходит первый номер газеты «Жизнь глухонемых».

1926

На Всероссийском совещании глухонемых 29 делегатов. Решено организовать сеть учебно-ремесленных мастерских. Создано Всероссийское объединение глухонемых (ВОГ).

Через год после совещания в РСФСР 32 местных отдела ВОГ, 68 артелей.

П. Савельев становится первым председателем ВОГ.

1931
—
1933

Индустриализация страны: глухие тянутся на «гиганты пятилеток».

Безработными числятся всего 2% от общего числа глухих трудоспособных. ВОГ тесно сотрудничает с профсоюзами.

В 1931 г. впервые объявлен набор в фабрично-заводские училища.

В 1933 г. на предприятиях в более чем 200 группах работает свыше 4000 глухих. На предприятиях открыты красные уголки для глухих.

На Московском электрокомбинате в 1933 г. организован первый в стране профком глухонемых.

В июне 1933 г. газета ВОГ «Жизнь глухонемых» реорганизована в журнал.

В 1931 г. выходит Приказ Наркомпроса о введении всеобщего обязательного обучения «физически дефективных» детей.

Количество школ и детдомов для глухонемых за год увеличивается с 93 до 170.

В 1932 г. разработаны новый учебный план и программа для школ глухонемых.

В 1932 г. проведена первая Всероссийская спартакиада глухонемых.

1934

В 1930-е глухие получают доступ к высшему образованию. Шире развернулась работа по ликбезу.

Первые глухие выпускники рабфака — в Московском институте химического машиностроения. Набрана группа глухих в МММИ (будущем МГТУ им. Н. Э. Баумана).

За 1934 г. правление ВОГ подготовило 97 ликвидаторов неграмотности, 31 культработника, 25 переводчиков. За 1933–1935 гг. ВОГ обучило в школах грамоты более 2900 человек.

1937

«Дело группы ленинградских глухонемых»; глухих обвиняют в создании фашистско-террористической организации, связанной с германским консульством. Арестована большая группа глухих, расстреляны 35 человек (среди них 64-летний Н. Дейбнер, Э. Тотмянин, режиссер театра «Пантомима» М. Тагер-Карьелли и др.), на 10 лет отправлены в лагеря 19 человек. Дело началось с того, что председатель Ленинградского облотдела ВОГ Э. Тотмянин направил в НКВД письмо с просьбой привлечь к ответственности «паразитов», позорящих ВОГ, — под ними понимались так называемые открыточники — глухие, которые продавали на вокзалах и в поездах кустарные открытки с ручной азбукой или «различными видами». При обыске на квартире у А. Стадникова среди 1400 открыток было найдено несколько немецких — с изображением Гитлера, которые попали к нему от политэмигранта из Германии А. Блюма (это были стандартные вложения из пачек немецких сигарет, которые курил Блюм).

1941
—
1945

Глухие рабочие предприятий трудятся для фронта, среди рабочих уральских заводов было немало эвакуированных с запада страны. Более 4300 глухих за труд во время войны награждены орденами и медалями.

1951

Постановление Совета министров СССР «О мероприятиях по борьбе с глухотой и глухонемой и улучшению обслуживания глухих и глухонемых». Совмин обязал все промышленные министерства обеспечить беспрепятственный прием на работу квалифицированных неслышащих граждан и создать для них все необходимые производственные, жилищные, культурно-бытовые условия, включая содержание на предприятиях старших инструкторов, инструкторов-переводчиков. Активное развитие системы учебно-производственных предприятий ВОГ, что позволило ВОГ под руководством П. Сутягина выйти на финансовую независимость от государства.

1952
—
1957

В 1952 г. Совмин РСФСР предоставляет ВОГ право начать строительство десяти клубов со зрительными залами на 250 мест. Залы построены на средства ВОГ в ряде областных центров.

В 1955 г. ВОГ вступает во Всемирную федерацию глухих (ВФГ).
В 1956 г. глухие отнесены к инвалидам с детства с пенсионным обеспечением.

С 1957 г. возобновлено издание журнала «Жизнь глухих» (с 1972 г. — «В едином строю»). Глухие спортсмены успешно дебютируют на Международных играх глухих.

1965
—
1969

В 1965 г. в Сочи-Лазаревское введен в строй дом отдыха «Маяк» на 140 мест. В том же году открыт Политехникум Ленинградского восстановительного центра в Павловске, где готовят художников-оформителей, культработников для клубов ВОГ, а с середины 1970-х — сурдопереводчиков. ВОГ в больших масштабах ведет строительство жилых домов.

В 1969 г. открыт Республиканский дворец культуры на «Первомайской», где и сегодня базируется Театр мимики и жеста, отсчитывающий свое существование с 1962 г. К 2018 г. десять актеров театра получили звание «Заслуженный артист РФ».

1987

В новостной программе «Время» второго канала Центрального телевидения Гостелерадио СССР впервые появляются переводчики жестового языка.

1991
—
1992

На средства ВОГ строятся последние жилые дома — в Твери, Магнитогорске, Перми, Брянске. С переходом к рыночной экономике система поддержки глухих стала давать сбои.

Из-за недостатка средств закрываются клубы, сокращается численность работников, в значительной степени свернута культурно-массовая работа.

ВОГ вынуждено передавать в муниципальную собственность жилые дома.

При участии ВОГ в 1991 г. создана Ассоциация глухих художников России, в 1992 г. — Российский спортивный союз глухих. Открывается Билингвистическая гимназия, где работает группа исследователей русского жестового языка (впоследствии на базе этого учреждения создан Центр образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой).

16 октября 1992 г. по инициативе и с непосредственным участием специалистов ВОГ на отечественном телевидении впервые проведена экспериментальная передача скрытых субтитров в эфир.

1993
—
1996

В 1993 г. бюджетное финансирование ВОГ сокращено, и тогда государство находит выход за счет внебюджетного финансирования в виде внешнеэкономических льгот. Так, товары, перемещаемые через таможенную границу России общероссийскими общественными организациями инвалидов, не облагаются таможенными платежами. В 1994 г. сумма государственной дотации, предоставленной ВОГ в виде отмены таможенных платежей, составила \$160 млн. Организации инвалидов не могут организовать сами товарно-экспортный бизнес. Этим занимаются различные фирмы, которые, получая огромные прибыли, перечисляют ВОГ очень небольшие проценты.

От пуля киллеров пали председатель Московской городской организации ВОГ И. Абрамов и президент ВОГ В. Кораблинов.

1997
—
2002

Президент ВОГ В. Смальцер принимает участие в разработке Федеральной целевой программы «Социальная поддержка инвалидов на 2000–2005 гг.». Но пользы от нее неслышащим гражданам мало, поскольку закрываются крупные предприятия, и глухие, трудившиеся там большими группами, в одночасье лишаются работы. А на других предприятиях, которые остались на плаву, глухие первыми подпадают под сокращение.

2005
—
2006

В. Рухледев (президент ВОГ с 2003 г.) в составе Российской государственной делегации принимает участие в работе Специального комитета ООН по разработке Конвенции о правах инвалидов, лично выступает с трибуны ООН в защиту важных для глухих положений.

2012

Президент РФ Дмитрий Медведев подписывает федеральный закон, ратифицирующий Конвенцию ООН о правах инвалидов.

Президент РФ Владимир Путин подписывает закон о повышении статуса русского жестового языка, инициированный Всероссийским обществом глухих.

Первый выпуск переводчиков жестового языка в Московском государственном лингвистическом университете.

2012
—
2017

Российские спортсмены выигрывают в неофициальном общекомандном зачете на летних Сурдлимпийских играх 2013 и 2017 гг.

В 2015 году Россия впервые принимает зимние Сурдлимпийские игры.

ВОГ принимает активное участие в движениях «Абилимпикс» и Deaf Skills.

В музейных учреждениях развиваются инклюзивные программы.

ИСТОРИЯ БОРЬБЫ ЗА ПРАВА ГЛУХИХ В РОССИИ

Максим Ларионов — юрист, заместитель
начальника Управления социальной политики
и реабилитации ОООН ВОГ

Общее правовое положение

Законы Ликурга, основателя и первого законодателя Спарты (ок. 700 г. до н. э.), предписывали гражданам умерщвлять физически неполноценных детей. Аристотель, ученый и философ, характеризовал глухих людей как «необучаемых, бесчувственных и не способных рассуждать, ничем не лучше животных»¹. В законах двенадцати таблиц в Древнем Риме (ок. 450 г. до н. э.) глухие от рождения, не умевшие говорить, признавались недееспособными и были лишены всяких юридических прав, равно как и идиоты, сумасшедшие и младенцы.

Эти и многие другие факты свидетельствуют о том, что в античных государствах говорить о надежном правовом статусе глухого человека нельзя. В системе ценностей античных государств культ тела, физическая сила и здоровье стояли на первом месте. Дети с физическими недостатками иногда умерщвлялись, взрослые же были обречены на положение изгоев. Римское юридическое право заложило основы различия гражданских состояний людей. Утрата взрослым человеком слуха или речи обрекала его на частичную потерю правоспособности, но не лишала прежнего статуса, глухонемых же от рождения наравне со слабоумными и сумасшедшими римский закон признавал для суда «мертвыми».

С распространением христианства, проповедующего такие ценности, как сострадание к ближнему и смирение, закладывается фундамент толерантного отношения к человеку вне зависимости от его происхождения, социального положения, физической силы или уровня интеллекта. Христианские монастыри оказывают помощь страждущим и калекам. IV веком датируется рождение монастырских богоугодных заведений: богаделен, госпиталей (хосписов), приютов, странноприимных домов. Однако внутри Церкви доступ людей с инвалидностью к религиозной деятельности ограничен: глухие не могли участвовать в церковных праздниках. И все же с V века разрешено крещение глухих, а в конце XII века вышел указ папы Иннокентия III, позволявший глухим жениться, если они могут «выразить согласие в недвусмысленных жестах»².

Как справедливо отмечает американский нейропсихолог Оливер Сакс, «в течение тысячелетий глухие от рождения люди считались тупыми и недоразвитыми, и, согласно древним и средневековым несовершенным законам, к ним официально относились как к неполноценным. Они не могли наследовать имущество, вступать в брак, получать образование и профессию, им отказывали также в фундаментальных человеческих правах»³. Бесправное положение глухих во многом возникло из-за отсутствия методик обучения, ведь право-способность была практически неотделима от умения владеть языком.

Право на образование

К концу XVII века стало ясно, что успешное индивидуальное обучение глухих не смогло спровоцировать появления специальных учебных заведений для глухих. Сделать шаг вперед мешало вовсе не отсутствие разработок, методик обучения или талантливых сурдопедагогов, а совпадение позиций государства, закона, религиозного догмата и общественного мнения в отношении людей с физическими и умственными недостатками. Власть и бюрократство принимали милосердие как обязанность христианина и были готовы к деятельной благотворительности, но не могли признать, что глухой ребенок имеет право на такое же образование, как дети их круга⁴.

Все изменилось благодаря деятельности аббата де л'Эпе — он инициировал создание первого специального учебного заведения для глухих. Впервые в истории Западной Европы государство признало право глухих детей на образование. «Это был поразительный переворот в настроениях. Люди повернулись лицом к глухим, открыли им сердца. Глухих — прежних изгоев — с распростертыми объятиями приняли в человеческое общество. Это период, который можно считать золотым веком в истории глухих, стал свидетелем быстрого распространения школ для глухих, укомплектованных обычно глухими учителями, по всему цивилизованному миру. Глухие вышли из мрака пренебрежения. Их признали как полноправных членов общества, стало возможным продвижение глухих на социально значимые позиции — внезапно, как по мановению волшебной палочки, появились глухие писатели, глухие инженеры, глухие философы и т. д.»⁵.

В 1817 году Лоран Клерк (ученик последователей аббата де л'Эпе) вместе с Томасом Галлодетом основали Американский приют для глухих в Хартфорде. Это событие дало развитие системы школьного обучения глухих в США и внедрения жестового языка в образование глухих. Начало XIX века считается точкой отсчета эмансипации

глухих США через доступ к образованию и характеризуется возникновением социальной идентичности глухих.

В России первое образовательное учреждение для глухих было открыто в XIX веке, при императрице Марии Федоровне.

Революционные события 1917–1918 годов, повлекшие изменение государственного строя, дали мощный толчок к развитию всеобщего обязательного образования, в том числе глухих детей. В советское время все глухие получали основное образование в специальных коррекционных школах для глухих и слабослышащих, после их окончания могли поступать в средние и высшие профессиональные учебные заведения, в которых были организованы группы переводчиков жестового языка. С распадом Советского Союза система специального коррекционного образования по инерции продолжала обучение глухих. Несмотря на экономические трудности в 1990-е практически все школы были сохранены.

Принятие нового «инклюзивного» федерального закона в системе образования⁶ закрепило, с одной стороны, гарантии бесплатного предоставления специальных учебников и учебных пособий, иной учебной литературы, а также услуг сурдопереводчиков и тифлосурдопереводчиков; с другой — ликвидировало понятие специальных (коррекционных) школ. Это привело к повсеместному сокращению специальных школ, объединению их с другими учебными заведениями: со школами для слышащих (массовыми школами) и школами для слепых и слабовидящих, а также со школами для людей с особенностями интеллектуального развития.

Право на жестовый язык

У аббата де л'Эпе, о котором говорилось ранее, еще при жизни появились оппоненты, которые считали единственно верной теорию «чистого устного метода» обучения глухих. В 1880 году по их инициативе была организована Миланская конференция преподавателей школ для глухих, где призывали запретить использование жестового языка в образовании. Этот запрет в конце XIX века нанес тяжелый удар по сообществу глухих — на 75 лет затормозил их достижения в образовании, науке и культуре и негативно сказался на самооценке.

В 1950 году вышла в свет теоретическая работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в которой «глухонемые, не имеющие языка», отнесены к числу аномальных людей, а «ручной» язык глухонемых, по мнению автора, «это не язык и даже не суррогат языка»,

поскольку он крайне беден и ограничен. Заместитель председателя комиссии ВЦСПС по делам глухонемых Н. А. Буслаев (глухой с 14 лет) в нарушение всех правил субординации тайно отправил личное письмо Сталину. Письмо Буслаева фактически являлось программным документом, на много лет определившим основные направления работы государственных и профсоюзных организаций в области социальной реабилитации глухих и слабослышащих. «Реакцией» руководства страны на письмо Буслаева стало Постановление Совета министров СССР⁷, благодаря которому на промышленных предприятиях, где работали глухие, ввели должность инструктора-переводчика.

В 1960 году преподаватель Галлодетского университета Уильям Стоки (США) опубликовал работу «Структура языка жестов»⁸. Это было первое научное обоснование и подтверждение лингвистической «полноценности жестового языка» и возрождение принципов самоуважения глухих.

17 июня 1988 года Европарламент принял первую резолюцию по жестовым языкам⁹. Резолюция отметила необходимость придания профессии переводчика ЖЯ официального статуса. В ней также даны рекомендации снабжать новостные и прочие программы субтитрами или параллельным переводом на ЖЯ, проводить исследование местных жестовых языков и создавать словари. Особо отмечено, что глухие и слабослышащие должны быть вовлечены в создание законов на национальном и местном уровне. Вторая резолюция, принятая в том же году, содержала предложения по приданию жестовым языкам статуса признанных языков глухих и слабослышащих.

Перечисляя тех, кто повлиял на признание и развитие РЖЯ, стоит упомянуть профессора Г. Л. Зайцеву и ее единомышленников: А. А. Комарова, Т. П. Давиденко и других. Н. С. Чаушьян возглавил Департамент жестового языка в ВОГ. В дальнейшем неоценимую поддержку в борьбе за статус русского жестового языка оказал доктор филологических наук, профессор А. А. Кибрик. Понадобилось 12 лет, чтобы государство приняло Постановление по предоставлению глухим и слабослышащим людям услуг по переводу¹⁰. В значительной степени этому способствовало проведение в 2007 году I Международной конференции «Лингвистические права глухих».

Ратификация международной Конвенции о правах инвалидов в 2012 году послужила импульсом к работе по приведению российского законодательства в соответствии с ее нормами. В декабре 2012 года был принят № 296-ФЗ, который условно называется

законом о статусе русского жестового языка. Статус РЖЯ изменился со «средства межличностного общения» на «язык общения». Впервые в законодательство был введен термин «тифлосурдопереводчик», а также дано указание, что переводчики РЖЯ должны иметь соответствующее образование и квалификацию. Государство взяло на себя обязанность по обеспечению подготовки, повышения квалификации и профессиональной переподготовки преподавателей и переводчиков РЖЯ. Благодаря этому в 2012 году впервые в истории России началась подготовка переводчиков жестового языка на базе высшего профессионального образования¹¹. Однако нельзя сказать, что ситуация с развитием русского жестового языка, подготовкой переводчиков благоприятна — основной проблемой по-прежнему остается право на использование жестового языка в школах глухих детей при получении образования.

Право на труд

В Своде законов Российской империи 1857 года впервые в истории России упоминается право глухих, получивших образование, на труд. В советское время основная масса глухих работала на госпредприятиях по рабочим специальностям, которых насчитывалось свыше сотни наименований в различных отраслях промышленности.

На предприятиях ВОГ трудилось менее 10% от общего количества трудоустроенных глухих, в основном в швейном производстве, частично в металлообработке (изготовление светильников) и деревообработке. Учебно-производственные предприятия (УПП) ВОГ были базой по подготовке специалистов по рабочим специальностям, после которой глухие успешно трудились на других предприятиях. Большие коллективы глухих рабочих (400–500 человек) трудились на Уралмаше, Балтийском судостроительном заводе, Челябинском тракторном заводе, ЗИЛе, Горьковском автомобильном заводе, Ростсельмаше и других крупных предприятиях. Были созданы конструкторские бюро с глухими инженерами на Электромеханическом заводе им. Ильича в Москве и Челябинском тракторном заводе. Успешно трудились глухие и в конструкторском бюро С. П. Королева, участвуя в проектировании космических кораблей.

С развалом СССР ситуация с трудоустройством глухих ухудшилась. Многие предприятия ВОГ перестали быть рентабельными, резко снизилась заработная плата. Возросло число безработных глухих, некоторые из них пробовали свои силы в малом бизнесе. Чтобы сохранить рабочие места для людей с инвалидностью, в 1990-е годы ввели льготы для предприятий, использовавших

труд людей с инвалидностью. В настоящее время Федеральным законом от 20 июля 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» установлена квота для приема на работу людей с инвалидностью не менее 2% и не более 4% к среднесписочной численности работников.

В США 26 июля 1990 года принят Americans with Disability Act (ADA) — первый в мире специальный закон, который гарантирует равные права людям с инвалидностью. ADA запрещает дискриминацию в отношении людей с инвалидностью во всех сферах общественной жизни, в первую очередь при трудоустройстве, и облегчает доступ к рабочим местам, в учебные заведения, пользование транспортом и посещение общественных мест.

Конвенция ООН о правах инвалидов среди прочего устанавливает право инвалидов на труд наравне с другими, в условиях когда рынок труда и производственная среда являются открытыми, инклюзивными и доступными для инвалидов; запрет дискриминации по признаку инвалидности; расширение на рынке труда возможностей для трудоустройства инвалидов и их продвижения по службе; оказание помощи в поиске, получении, сохранении и возобновлении работы; расширение возможностей для индивидуальной трудовой деятельности, предпринимательства, развития кооперативов и организации собственного дела. Тем не менее в России возникли сложности с трудоустройством глухих по причине ограничений по медицинским показаниям. Например, в 2011 году Минздрав установил перечень противопоказаний¹², по которым глухим было запрещено работать по станочным специальностям, а также водить автомобиль. Только после вмешательства ВОГ спустя 3,5 года борьбы с Минздравом дискриминационные нормы были отменены.

В 2014 году Министерство труда опубликовало перечень более 300 профессий, рекомендованных для инвалидов по слуху¹³. Проблема заключается в том, что в настоящее время групповое обучение глухих с переводчиком жестового языка в организациях профессионального образования осуществляется менее чем по 40 специальностям. Выбор профессии для глухих и слабослышащих в России по-прежнему ограничен.

Право на социальную защиту и пенсионное обеспечение

Развитие системы социального обеспечения в той форме, в которой мы ее знаем, началось в 1920-м в СССР — с постановления «О социальном обеспечении глухонемых и слепых»: «Все глухонемые и слепые, необученные в специальных учреждениях-школах и не обладающие

еще определенными профессиональными навыками и не могущие по тем или иным причинам найти доступную для них самих работу, подлежат, как особый тип инвалидов, социальному обеспечению в полной мере»¹⁴.

В 1959 году впервые на государственном уровне был решен вопрос об обеспечении слабослышащих слуховыми аппаратами¹⁵. Глухие в СССР имели право на пенсию по инвалидности, на получение слуховых аппаратов, на льготные путевки со стороны профсоюзов и ВОГ, на услуги по сурдопереводу. Был создан уникальный механизм «двойного обеспечения» как со стороны мощного профсоюзного движения, так и со стороны ВОГ.

В Российской Федерации основным нормативным актом, регулирующим правоотношения в области социальной защиты и реабилитации людей с инвалидностью, является Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»¹⁶. Законом закреплено право инвалидов на пенсионное обеспечение, на обеспечение техническими средствами реабилитации, введено понятие «язык жестов», говорится о необходимости субтитрирования фильмов и телепередач. В настоящее время инвалиды по слуху имеют право на получение ряда мер социальной поддержки за счет государства: слухопротезирование, телефонные устройства с текстовым выходом, телевизоры с функцией «Телетекст», вибро- и световые сигнализаторы звука, услуги по переводу РЖЯ в объеме 40 часов в год. Также инвалиды по слуху имеют право на льготы по оплате коммунальных услуг, проезда на общественном транспорте, которые каждый регион устанавливает самостоятельно.

О других правах

В завершение хотелось бы рассмотреть несколько конкретных случаев из истории борьбы глухих за свои права. К примеру, немногие знают, что дополнительным импульсом для I Всероссийского съезда глухонемых в июле 1917 года послужил проект «Закона о выборах в Учредительное собрание». Согласно этому закону, глухих не вносили в избирательные списки, эти люди не могли участвовать в выборах. Законопроект вызвал бурю возмущения и официальный протест Московского комитета глухонемых в адрес Временного правительства.

Или же, к примеру, право глухих на управление автомобилем: после пятилетнего эксперимента в масштабах всей страны в 1975 году¹⁷ впервые лицам с нарушениями слуха (вплоть до глухоты) было предоставлено право управления легковым автотранспортом при условии

периодического медицинского освидетельствования. К сожалению, спираль истории в 2012 году вынудила Общество глухих вернуться к данному вопросу и снова доказывать Минздраву России, что глухие могут управлять автомобилями, и не только управлять, но и работать водителями.

И конечно, стоит упомянуть забастовку глухих студентов Галло-детского университета в марте 1988 года с требованием избрать именно глухого президента университета. Эти протесты вошли в историю глухих в США как «революция глухих». Действительно, во главе образовательных организаций, занимающихся обучением глухих людей, должны стоять люди, которые изнутри знают мир глухих, его проблемы и возможности, являются частью этого мира независимо от наличия или отсутствия слуха. Печально, что в легендарной московской школе для глухих детей № 101 за восемь лет сменилось семь директоров, что напрямую показывает результаты «реорганизации» учебного заведения.

Во всем мире сообщество глухих вынуждено постоянно поднимать перед государством и обществом вопросы, касающиеся реализации их законных прав и интересов в различных сферах жизнедеятельности. Основным барьером остаются не чиновники препоны, а стереотипы.

ВВЕДЕНИЕ В DEAFHOOD

Никита Большаков — социолог,
преподаватель НИУ ВШЭ

Термин Deafhood — один из ключевых для понимания, что значит глухота для современного глухого или слабослышащего человека. Впервые термин употребил Падди Лэдд в начале 1990-х, однако широкое применение понятие получило после публикации книги *Understanding Deaf Culture — In Search of Deafhood* в 2003 году.

У Deafhood нет литературного перевода на русский язык. Наиболее близким по значению могло бы стать слово «глуховость», но из-за неблагозвучия и искусственности шансы на широкое применение этого термина малы. Лэдд определяет Deafhood в качестве коллективного осознания себя как глухого. Это осознание понимается как процесс «борьбы любого глухого ребенка, глухого взрослого, любой глухой семьи за то, чтобы объяснить себе и друг другу собственное существование в мире, <...> что значит быть Глухим¹⁸ в сообществе Глухих» (Ladd, 2003. 3).

В отличие от глухоты (deafness), которая является скорее статичным атрибутом и заболеванием, предписанным человеку признаком, Deafhood (по аналогии, например, с childhood) — некое континуальное состояние в конкретный момент времени. Сам Лэдд называет Deafhood процессом, который не является оконченным и четко зафиксированным, и эта осознанная неопределенность очень важна для понимания феномена: Deafhood формируется действиями людей, а сам термин должен способствовать активному выходу за рамки понятия глухоты.

В Deafhood — два ключевых компонента. Во-первых, способ собрать и соотнести с определенной рамкой всю информацию о культуре, жизни, политике, образовании глухих и т. д. в исторической перспективе и современном контексте. Во-вторых, процесс определения себя как Deafhood позволяет найти способы выхода за пределы существующего способа разговора о глухоте, в рамках которого глухота рассматривается в основном с медицинских и социальных позиций, и избавиться от колониализма людей, использующих для общения жестовый язык. Вообще, концепция колониализма (и ее частное проявление — орализм, о котором будет написано ниже) крайне важна для понимания Deafhood: термин «глухота» и связанный с ним медицинский подход разработаны слышащими,

которые на протяжении долгих лет контролировали жизнь глухих. Термин Deafhood относится к тем, кто ориентирован на визуальное восприятие и предпочитает коммуникацию на жестовом языке вне зависимости от степени потери слуха. Поиск собственного Deafhood происходит на физическом, ментальном, духовном, эмоциональном, лингвистическом и культурном уровнях. При этом каждый из этих уровней связан с коллективным опытом в условиях высокой групповой солидарности, то есть с сообществом и культурой глухих, которые рассматриваются в исторической перспективе.

Появление термина Deafhood является в определенной степени реакцией на орализм и аудизм, на протяжении долгого времени ограничивавших жизнь глухих. Орализм — это философский и практический подход к образованию, который ставит слух во главу угла, сфокусирован на развитии навыков речи (голоса) и слухового восприятия. Например, в нашей стране на протяжении десятилетий доминировал (и продолжает доминировать до сих пор) устный метод обучения глухих и слабослышащих, основной целью которого является попытка научить глухих слышать и говорить. Термин «аудизм» описывает индивидуальную или групповую установку на превосходство слуха над глухотой: иметь слух лучше, чем быть глухим. Орализм и аудизм препятствовали социализации и культурному становлению глухих, индивидуальному развитию человека как Глухого, а не как «человека с нарушением слуха». Во многом борьба с этими явлениями и способствовала формированию групповой идентичности глухих.

Глухие и слабослышащие, вовлеченные в коммуникацию с другими представителями сообщества, выстраивают диалог, в ходе которого формируется и впоследствии поддерживается понятие Deafhood, определенная картина мира, понимание того, что значит быть Глухим, индивидуально и коллективно, в мире глухих. Создавая сообщества, основным средством общения в которых становится жестовый язык, глухие формируют специфическую культурную и лингвистическую среду, в которой поддерживается необходимый для них уровень комфорта и так называемой гордости быть Глухим (Deaf pride). Благодаря образности жестового языка и схожести языков разных стран глухие обладают высокой способностью коммуницировать с иностранцами, а формирование Deafhood носит глобальный характер.

Социокультурная модель понимания инвалидности

Говоря об инвалидности, важно понять, что же подразумевается под этим термином. Может показаться, что раскрыть понятие

«инвалидность» не составит труда, однако стоящие за этим определением модели восприятия инвалидности очень разнообразны. Модели — это социальные представления, способы объяснения, идеологии, которые воплощаются в распространенных убеждениях, нормах и практиках. Современные представления об инвалидности условно можно подразделить на две большие группы — медицинские и социальные. В медицинской модели сделан акцент на диагнозе человека, его патологии или дисфункции, в результате чего людям с инвалидностью приписывается статус больных, что приводит к выводу о необходимости их исправления или изоляции. Для социальной концепции важно, что главные проблемы для людей с инвалидностью проистекают из негативных социальных установок, непродуманной и дискриминационной политики, властных отношений и культурных практик. Большую роль в развитии социальной концепции с учетом многообразных аспектов телесности сыграли постструктуралистские, феминистские и постмодернистские исследования¹⁹, благодаря которым в отдельную категорию объяснений инвалидности выделилась культурная модель.

Культурную модель инвалидности, как правило, принято относить к посттрадиционной парадигме (Finkelstein, 1987) и определять через борьбу людей с инвалидностью за свою культурную идентичность (Longmore, 1995) в процессе осознания собственных отличий от доминантной группы (Devlieger, Rusch, Pfeiffer, 2003. 14–15). В то же время, в отличие от других категорий людей с инвалидностью, в случае которых «довольно трудно ответить на вопрос, что такое культура инвалидности» (Finkelstein, 1987), исследователи глухих и слабослышащих еще в середине XX века обратили внимание на жестовый язык и культуру Глухих и в связи с этим стали интерпретировать глухоту не как болезнь, а как одну из социально-демографических характеристик человека.

Ключевым событием, обеспечившим возможность изменений, стала публикация Уильяма Стоки в 1960 году доклада Sign Language Structure, в котором жестовый язык впервые признавался как полноценный язык (Stokoe, 2005), а выход в 1965 году первого словаря A Dictionary of American Sign Language (Stokoe, Casterline, Croneberg, 1965) способствовал началу регулярных исследований жестового языка. В оформленном виде идея о том, что глухота это нечто большее, чем просто медицинский диагноз, появилась без особых пояснений в 1971 году в работе Хильды Шлезингер и Кэтрин Медоу (Schlesinger, Meadow, 1971) и впоследствии была дополнена Медоу, которая использовала тер-

мин «субкультура глухих» для обозначения сообщества, сводя все критерии принадлежности к данной группе к эндогамным моделям брачного поведения и к использованию жестового языка (Meadow, 1972). Вслед за Стоки в 1980-е исследователи сконцентрировались именно на лингвистических особенностях данной группы. В конце 1980-х глухих в социокультурных терминах рассмотрели Кэрол Пэдден и Том Хэмфриз в работе *Deaf in America: Voices from a Culture* (Padden, Humphries, 1990). В частности они сформулировали базовые критерии принадлежности к сообществу глухих, такие как самоидентификация, поведение и общий жизненный опыт. Конец XX — начало XXI веков на Западе ознаменовались постепенным смещением исследовательского интереса в сторону культурных особенностей глухих: выходят такие работы, как *The Cultural Meaning of Deafness* (Harris, 1995), *Understanding Deaf Culture: In Search of Deafhood* (Ladd, 2003), *Open Your Eyes: Deaf Studies Talking* (Bauman, 2008) и многие другие, авторы которых ставят перед собой цель описать историю развития сообщества глухих, проанализировать различные события и институты, способствующие формированию групповой идентичности людей с нарушениями слуха. К этой проблематике обращаются социологи, антропологи, культурологи. Исследователи применяют качественные и количественные методы, чтобы обследовать сообщество, используют историографию, чтобы проследить формирование современного сообщества людей с нарушениями слуха, уточнить, какую роль в этом процессе играли не только жестовый язык, но и различные свойственные глухим институты и практики (например, специализированные школы, клубы, объединения). Внимание смещается с недостатков на возможности, культуру, жестовый язык. Глухота помещается в поле культурного дискурса, интерпретируется как особенность людей с нарушениями слуха, способствующая их самоопределению и идентификации. Глухие в соответствии с данной концепцией не отклоняются от слышащей нормы, а являются вполне самодостаточной группой: «...системообразующий концепт социокультурной теории: глухота — особое состояние человека, а отнюдь не патология» (Зайцева, 1992. 52).

Приверженцы культурной концепции рассматривают культуру глухих как субкультуру, основными характеристиками которой являются жестовый язык, самоопределение, схожие поведенческие паттерны, внутренние браки, общность исторического наследия и наличие сети формальных объединений и организаций (Reagan, 1990. 74–75). Глухие активисты даже предпочитают рассматривать себя в этногрупповых терминах, однако данная теория отвергается исследователями, поскольку, во-первых, нарушение

слуха является наследственным только в 10% случаев (Базоев, Паленный, 2002. 286), что делает невозможной передачу идентичности в рамках семьи, а во-вторых, сама культура глухих не является автономной и независимой. По этим причинам Дж. Фишман (Fishman, 1982. 6–20) предложил рассматривать глухих как квазиэтническую группу. Данный подход является доминирующим в современных социальных исследованиях.

Лэдд выделяет два уровня в рамках социокультурного дискурса (Ladd, 2003): лингвистический и уровень Deafhood, который был рассмотрен отдельно. Центральная роль жестового языка для культуры глухих признается всеми специалистами, и, после того как было доказано, что билингвизм, использование жестового языка и устной речи, в противовес чисто устному методу, положительно влияют на когнитивное развитие ребенка (Чупина, 2014. 167), глухие активисты получили доказательную базу для повсеместного внедрения жестового языка, в том числе в процессе обучения детей с нарушениями слуха. Социокультурный подход позволяет рассматривать глухих как группу людей, участники которой разделяют общую культуру: для самих глухих в процессе наделения глухоты позитивными смыслами ключевую роль играют общинность, ощущение солидарности и истинной дружбы (Ярская-Смирнова, 2001. 226).

Постепенно исследования глухих оформляются в самостоятельную дисциплину — Deaf studies, для которой пока не существует устоявшегося русскоязычного термина. Ключевым для становления Deaf studies стало разделение понятий deaf и Deaf (Woodward, 1972). Если первое подразумевает нарушение слуха и максимально близко к русскоязычному «глухой», то второе отражает принадлежность к особой группе и происходит от представления о глухих как о совокупности людей, объединенных общностью жестового языка и культуры, — по аналогии с различными национальностями, написание которых начинается в английском языке с заглавной буквы (Паленный, 2014. 297).

Данный подход подвергается критике со стороны многих исследователей инвалидности. В первую очередь есть некоторый скептицизм относительно существования и самостоятельности феномена культуры глухих. Отмечалось, что культура глухих является лишь зеркальным отражением массовой культуры и существует только как реакция на «слышащую» (цит. по: Ladd, 2003. 250), а также, что в случае глухих «сообщества» и «культура» находятся в отношениях взаимозависимости

и могут заменять друг друга. Сообщества глухих — это те, кто следует культуре глухих, но в то же время культура глухих — это определяющая характеристика сообщества глухих (Turnen, 1994). Тот факт, что культура глухих не существует в вакууме и не может являться полностью самодостаточной (Lane, 2006. 86), порождает формирование бикультурных теорий: дети с нарушениями слуха, выросшие в слышащих семьях и попадающие потом в глухую среду, усваивают ценности и нормы как одного, так и другого сообщества (точно так же как слышащие дети глухих родителей могут получить доступ к обоим сообществам).

Основные агенты культурной модели в России — исследователи жестового языка, культуры и истории глухих Галина Зайцева, Анна Комарова, Виктор Паленный, Владимир Базоев и другие, чьи работы посвящены рассмотрению зарубежной литературы в области социокультурного анализа сообщества глухих, а также анализу местного сообщества. С начала 1990-х в России происходят различные события, позволяющие утверждать, что культурная модель понимания глухоты достаточно популярна в отечественном дискурсе: в 1996 году открывается Центр образования глухих и жестового языка; проходят Международная конференция по проблемам билингвистического образования и Первый московский симпозиум по истории глухих; с 1998 года курс по истории и культуре глухих включают в учебные планы (Паленный, 2011. 655); в 2010-е выходит трехтомник «История ВОГ», который является ключевым свидетельством того, что дисциплину «История глухих в России» можно считать сформированной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базоев В., Паленный В. Человек из мира тишины. — М.: ИКЦ «Академкнига», 2002.
2. Зайцева Л. Современные научные подходы к образованию детей с недостатками слуха: основная идея и перспективы // Дефектология, 1992. — № 4. С. 52–70.
3. Паленный В. В поисках своего Я // За жестовый язык! — М.: ООИ ВОГ, 2014. С. 292–300.
4. Паленный В. История глухих: настоящее и будущее // История Всероссийского общества глухих. Т. 3. — М.: ООИ ВОГ, 2011. С. 645–670.
5. Чупина К. Билингвизм — опасность или роскошь общения? // За жестовый язык! — С. 162–169.
6. Ярская-Смирнова Е. Мужчины и женщины в стране глухих // Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований. — М.: 2001. С. 221–236.
7. Bauman H.-D. L. Open Your Eyes: Deaf Studies Talking. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008.
8. Devlieger P., Rusch F., Pfeiffer D. Rethinking Disability: The Emergence of New Definitions, Concepts, and Communities. Antwerp: Garant, 2003.
9. Finkelstein V. Disabled People and our Culture Development. London Disability Arts Forum. Vol 4. 1987.
10. Finkelstein V. To deny or not to deny disability. Physiotherapy, 1988, 74 (12), pp. 650–652.
11. Fishman J. A critique of six papers on the socialization of the deaf child, Conference highlights: National Research Conference on the Social Aspects of Deafness. Washington: Gallaudet University Press, 1982, pp. 6–20.
12. Harris J. The Cultural Meaning of Deafness: Language, Identity and Power Relations. Avebury. 1995.
13. Higgins P. C. Outsiders in a Hearing World: A Sociology of Deafness. Beverly Hills: SAGE Publications, 1981.
14. Hughes B. and Paterson K. The social model of disability and the disappearing body: towards a sociology of impairment, in: Disability and Society. 1997. Vol. 12.3.
15. Ladd P. Understanding Deaf Culture: In Search of Deafhood. Clevedon: Multilingual Matters, 2003.
16. Lane H. L. Construction of Deafness, The Disability Studies Reader. New York: Routledge, 2006, pp. 79–103.
17. Longmore P. K. The second phase: From disability rights to disability culture, Disability Rag & Resource, 1995, 16 (5), pp. 4–11.
18. Meadow K. Sociolinguistics, sign language and the Deaf subculture, Psycholinguistics and Total Communication — The State of the Art (American Annals of the Deaf). Silver Spring: National Association of the Deaf, 1972. pp. 19–33.
19. Padden C. A., Humphries T. L. Deaf in America: Voices from a Culture. Cambridge: Harvard University Press, 1990.
20. Reagan T. Cultural Considerations in the Education of the Deaf Children, Educational and Developmental Aspects of Deafness. Washington: Gallaudet University Press, 1990. pp. 73–84.
21. Schlesinger H., Meadow K. Sound and Sign. Berkley, University of California Press, 1971.
22. Stokoe W. C. Sign language structure: An outline of the visual communication systems of the American deaf. Journal of deaf studies and deaf education, 2005, 10 (1), pp. 3–37.
23. Stokoe W. C., Casterline D. C., Croneberg G. C. A dictionary of American sign languages on linguistic principles. Washington. D.C.: Gallaudet College Press, 1965.
24. Turnen G. How is Deaf culture. Sign Language Studies, 1994, p. 83.
25. Woodward J. Implications for sociolinguistic research among the deaf, Sign Language Studies, 1972, 1, pp. 1–7.

БЛОК 2.

**ДЕКОНСТРУИРУЯ
КУЛЬТУРУ**

РАЗВИТИЕ КАЛЬКИРУЮЩЕЙ ЖЕСТОВОЙ РЕЧИ И РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА

Влад Колесников — сурдопедагог-дефектолог,
переводчик русского жестового языка

Анна Комарова — лингвист, переводчик РЖЯ,
директор Центра образования глухих
и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой

Жестовый язык (ЖЯ) — это самостоятельный язык общения глухих и слабослышащих людей, состоящий из жестов, передаваемых руками в сочетании с выражением лица, движением губ и положением корпуса тела. Отдельным компонентом жестового языка является дактилология, или пальцевая азбука (ручной алфавит), где каждый пальцевый символ представляет собой букву национального алфавита. Дактилология представляет собой заимствование из национального словесного языка и используется для обозначения имен собственных, специфических терминов и т. п., а также для уточнения значения жеста — то есть в случаях, когда нужно визуально передать слово по буквам. У жестового языка своя лингвистическая структура, отличная от структуры словесного языка. Часто жестовый язык ошибочно отождествляют с калькирующей жестовой речью (КЖР) — передачей словесной речи посредством искусственных жестов или жестов, заимствованных из жестового языка, при которой сохраняется лингвистическая структура словесного языка.

Существуют различные виды жестовой коммуникации между глухими и слышащими. Весьма условно национальный жестовый язык и КЖР (визуальная форма национального словесного языка) можно назвать двумя полюсами, между которыми существуют разнообразные формы жестового общения, варианты пиджин- (упрощенных) или смешанных языков.

В настоящее время в России русский жестовый язык (РЖЯ) на законодательном уровне признан полноценным языком глухих. Однако до сих пор нельзя сказать, что глухие, как любое полноправное социолингвистическое меньшинство, в достаточной мере могут участвовать в жизни общества, иметь абсолютный доступ к информации, наравне со слышащими получать образование, успешно трудоустраиваться, быть экономически самостоятельными.

Ситуация в отношении глухих и слабослышащих людей осложняется тем, что зачастую их считают «отстающими от нормы». Для большинства глухих национальный словесный язык является вторым, и не все могут овладеть его устной формой. Неосведомленные слышащие могут воспринимать глухих как «лиц второго сорта», людей с особенностями интеллектуального развития. Такое отношение к взрослым глухим, а также низкий уровень ожиданий от глухих детей со стороны специальных педагогов, игнорирование жестового языка — причина недостатков как в системе образования, так и в сфере поддерживающих услуг. Использование жестового языка определяет глухих людей как лингвистическое меньшинство, со своими культурными и групповыми правами (такими же, как у любых других лингвистических меньшинств)²⁰.

Жестовый язык является национальным, а количество жестовых языков не зависит от количества словесных языков в стране или регионе. В издании «Энциклопедии языков» 2005 года упоминается не менее 121 национального жестового языка, однако современные лингвисты считают, что их значительно больше. Например, на всей территории в России глухие используют русский жестовый язык (в свое время рассматривался вариант названия «российский жестовый язык»), в США — американский жестовый язык, в Великобритании — британский жестовый язык. Различие жестовых языков в Великобритании и США весьма характерно и лишний раз доказывает независимость жестовых языков от словесных: словесные языки в этих двух странах одинаковы, а жестовые — различны.

Галина Зайцева, исследователь жестового языка, культуры и истории глухих, защитившая в 1969 году первую в стране кандидатскую диссертацию по жестовому языку глухих, автор книги «Жестовая речь. Дактилология» и множества других публикаций, связанных с исследованием жестового языка и определением его значения в жизни глухих, большинство из которых вошли в ее посмертный сборник «Жест и слово», утверждала, что жестовый язык по статусу приравнивается к любому другому языку. Она отстаивала идею билингвистического обучения в школах для глухих (где языком обучения, наряду с русским словесным, выступает русский жестовый)²¹. Зайцева указывала на то, что первую попытку применить дактиль и жесты в обучении глухих предпринял испанский священник Хуан Пабло Бонет в начале XVII века. В 1620 году в книге «О природе звуков и искусстве научить глухонемого говорить»²², рассказывающей об опыте индивидуального обучения глухих, он предложил использовать в обучении глухих устную, письменную, дактильную и жестовую системы общения. При этом Бонет на этапе

знакомства глухих со словом использовал естественные жесты (то есть простые образные и указательные жесты, понятные без перевода: «есть», «спать», «идти», «дом» и т. п.), демонстрировал действия с предметами, а другие жесты, позднее названные условными, вводил только на стадии обучения чтению, когда начинал знакомить с грамматикой словесного языка²³.

Во Франции в 1760 году аббат Шарль-Мишель де л'Эпе одним из первых в истории сурдопедагогики начал систематически учить глухих детей. До этого глухих в основном обучали индивидуально или в малых группах, силами нанимаемых богатыми семьями тьюторов. Некоторые учителя использовали для обучения дактильные алфавиты, другие, как испанец Педро Понсе де Леон, пользовались и дактилем, и жестами самих глухих, чтобы визуализировать словесный язык, однако во многих случаях основной задачей было обучение устной речи.

Аббат де л'Эпе быстро заметил, что глухие, которых он обучал, используют в общении между собой жесты. Чем дольше он наблюдал за общением глухих людей, тем больше убеждался, что жесты не просто примитивная пантомима, призванная имитировать слова, как многие думали, а «язык знаков». Де л'Эпе понял, что для успешного преподавания глухим словесного языка, учителю нужно овладеть языком жестовым. Это был принципиально новый подход, позднее получивший название мимического метода обучения глухих. Основная задача де л'Эпе заключалась не в том, чтобы просто обучить глухого словесной речи, но в том, чтобы дать ему такие же, как у слышащих, образование и воспитание. В обучении использовался принцип перевода: читая, дети подбирали жесты к каждому слову. Общеобразовательные предметы велись на жестовом языке, пройденный материал повторялся во время чтения.

Де л'Эпе также заметил, что жестовый язык не аналогичен по своей структуре словесному, и письменный перевод вызывает большие сложности — прежде всего потому, что жестовый язык имеет отличные от словесного французского языка грамматические значения (например, в жестовом языке отсутствуют большинство падежей и категория рода). Поэтому аббат и его последователи разработали так называемые методические жесты как средство обучения глухих детей грамматике французского языка. Аббат де л'Эпе считал, что средств естественного жестового языка глухих недостаточно для обучения словесному языку и некоторым другим предметам. Если в жестовом языке не было подходящего жеста, де л'Эпе заимствовал или придумывал его²⁴, но поскольку

такие искусственные жесты нарушали природу жестового языка и были малопонятны детям, в неформальной обстановке ученики ими не пользовались. Глухие, нашедшие в школе де л'Эпе свой круг общения, дали толчок развитию жестового языка, которой постепенно сформировался в самостоятельную лингвистическую систему, обладающую специфическими выразительными средствами передачи не только грамматических значений, но и других функциональных сфер языка.

Аббат де л'Эпе скончался в 1789 году, не дожив до того момента, когда его детище назвали Национальным институтом для глухонемых. Его работу продолжил аббат Сикард, несколько лет учившийся у де л'Эпе. Некоторые педагогические методы Сикарда вызывают вопросы, однако это тема отдельной статьи. Многие библиографы сходятся во мнении, что Сикард закончил начатую де л'Эпе работу над словарем жестов. Этот словарь под названием «Теория жестов» (*Theorie des signes...*, 1808) представлял собой двухтомник, в котором перечислялись французские слова, сгруппированные по темам, и их перевод на методические жесты.

Практически одновременно с мимическим методом обучения глухих развивался и другой подход. С открытием Самуэлем Гейнике в 1778 году в Лейпциге школы для глухих детей широкое распространение получил устный метод обучения, в основе которого — философия идеализма Канта и Гегеля. Идеальная форма, а именно — устная речь, становится основной целью обучения. Известна обширная переписка де л'Эпе и Гейнике, где каждый из сурдопедагогов доказывал преимущества своего подхода к обучению²⁵.

В 1880 году в Милане на Второй международной конференции, посвященной обучению глухих, решили, что устный метод обучения эффективнее обучения на жестовом языке, поэтому последний был запрещен²⁶. Лишь две страны выступили против этого решения — США и Великобритания. В постановлениях конгресса утверждалось, что «неоспоримое превосходство артикуляции над жестами при социализации глухонемых и обучении их языку провозглашает[, что] устный метод обучения глухонемых предпочтительнее жестового», а «одновременное использование артикуляции и жестов вредит артикуляции и чтению с губ»²⁷. Дальнейшее развитие жестового языка было поставлено под удар: практически везде он перестал применяться даже как вспомогательное средство обучения, а его использование глухими в качестве средства общения не приветствовалось. Чистый устный метод²⁸, нацеленный на развитие устной речи (а после Второй мировой войны, с развитием

технических средств, и на использование остаточного слуха), вышел на передний план, и его целью стало «заставить зазвучать» глухих людей, максимально приблизить к слышащему большинству²⁹.

Первые исследования русского жестового языка принадлежат Виктору Ивановичу Флери, директору Петербургского училища для глухих, где преподавание основывалось на методике л'Эпе. Одна из главных работ Флери — труд «Глухонемые» (1835), в котором проанализировано общение глухих. Значительную роль Флери отводит роли жестового языка в обучении и воспитании глухих учеников. Автор также помещает в книгу первый описательный словарь РЖЯ, включает в свой труд главы, посвященные жестовому переводу³⁰. На разных этапах обучения Флери использовал устную, письменную и дактильную речь, а также средства жестового языка («естественную и природную пантомиму»). Данные Флери характеристики и принципы обучения актуальны и в настоящее время.

В 1860 году глухой художник Иван Арнольд открыл школу для глухих в Москве, где также на первоначальном этапе использовались средства жестового языка. Однако, как и в Европе в конце XIX века, в России жестовый язык считался препятствием к становлению словесной речи (в связи с этим глухих педагогов повсеместно увольняли из школ).

В начале XX века Николай Михайлович Лаговский, сурдопедагог, профессор, анализируя жестовое общение глухих, в отличие от Флери, сделал вывод, что жестовый язык не имеет грамматики. Однако Лаговский подчеркивал, что это не значит, будто жестовый язык бесполезен как вспомогательное средство в воспитании.

Сергей Соколов, один из инициаторов объединения глухих, выступая на I Всероссийском съезде глухонемых (1917), где в повестке второго дня значился «вопрос о необходимости мимики», отметил: «...мимика — это особый язык со своими, иногда не переводимыми на обыкновенную речь, фразами». Однако на съезде все равно была принята парадоксальная резолюция: в ней признавалось право глухонемых пользоваться мимикой наравне с остальными способами общения (устной речью и дактилогией), но только в «своей» среде, то есть в обществе глухих же, поскольку мимика — единственный удобный язык при общении с себе подобными. «В школе какая бы то ни была мимика недопустима ни в коем случае, и при обучении глухонемых детей должна проводиться лишь устная речь и дактилология, причем первая — для способных к изучению устной речи учеников, а вторая — для лишенных этой способности»³¹.

Вместе с тем всегда существовали и сторонники жестового языка — не только сами глухие, которых почти на 100 лет лишили права какого-либо голоса, но и видные ученые. Важную роль в формировании положительного отношения к жестовому языку сыграл Лев Семенович Выготский, который в начале 1930-х пришел к выводу, что жестовый язык — сложная лингвистическая система, «подлинная речь во всем богатстве ее функционального значения», не только способ межличностного общения глухих, но и «средство внутреннего мышления самого ребенка»³².

Выдающиеся советские сурдопедагоги Рахиль Марковна Боскис и Наталья Григорьевна Морозова развили идеи Выготского, они первыми в России стали изучать жестовый язык экспериментально. В работе «О развитии мимической речи» (1939) Боскис и Морозова сделали вывод, что у жестового языка существует своя грамматика, отличная от грамматики русского языка. Но они также предположили, что глухие не могут владеть двумя языками (то есть стать билингвами) — по мере овладения словесным языком жестовый превращается в калькирующую жестовую речь³³.

Советский дефектолог Иван Афанасьевич Соколянский, работавший с глухими и слепоглухими, говорил о необходимости использования жестового языка в обучении, особенно подчеркивая его важность на начальном этапе обучения. Одним из первых Соколянский назвал жестовый язык родным языком глухих и заметил, что глухие люди — словно иностранцы среди слышащих.

В первой трети XX века в России, как и во многих других странах, преобладал устный метод обучения. Но в связи со значительными миграционными потоками глухих из деревень в города, увеличением городских сообществ глухих, необходимостью за короткое время дать глухим основы знаний, стали открываться многочисленные вечерние школы, рабфаки, курсы по ликвидации неграмотности (ликбезы). Совершенно очевидно, что решить такие социальные задачи без использования жестового языка невозможно. Поэтому в 1938 году на Всероссийском совещании сурдопедагогов «чисто устный метод» был признан неприемлемым. Теперь к работе допускались и глухие педагоги, и слышащие учителя со знанием жестового языка. Однако уже в самом начале 1950-х вновь случился откат. Это было связано с публикацией работы Иосифа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», где среди прочего было такое заявление: «Какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они не возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов

и фраз. Оголенных мыслей, свободных от языковой “природной материи” — не существует»³⁴. Сталин утверждал, что жестовый язык «это собственно не язык, и даже не суррогат языка». И хотя Иосиф Сталин вовсе не был экспертом в вопросах обучения и воспитания глухих, после этой публикации вся советская дефектология вновь стала исповедовать идею чистого устного метода: глухие должны говорить. Многие врачи и педагоги считали глухих дефективными, отклонением от нормы. Жестовый язык как средство межличностного общения также воспринимался крайне негативно — его запрещали даже во внеурочное время в образовательных учреждениях, сравнивали с «языком обезьян». Увы, отголоски такого дискриминационного отношения к глухим и их языку имеют место до сих пор, а предубеждение, будто жестовый язык препятствует овладению словесному, весьма распространено среди педагогов и специалистов разного уровня, среди слышащих родителей.

В мире отказ от устного подхода к обучению глухих детей во многом связан с изменением статусов национальных жестовых языков. Но в педагогике школ глухих последней трети XX века довольно долго доминировал так называемый метод тотальной коммуникации, наиболее распространенный и популярный в США. Появление тотальной коммуникации вызвано рядом причин, в первую очередь желанием повысить качество обучения, вернуться в «золотые дни» сурдопедагогики Педро Понсе де Леона, де л’Эпе, Карла Мальма... Тотальную коммуникацию можно назвать определенным компромиссом между сторонниками устного и мимического методов — ее принцип таков: «Все средства хороши». Однако вместо настоящего жестового языка глухих применяется калькирующая жестовая речь. Тотальная коммуникация серьезно критиковалась: скорость речи и скорость произнесения при помощи жестового языка не одинакова; учителя упрощали речевой компонент своего сообщения или упускали что-то в процессе передачи информации³⁵ (далеко не всегда к обучению привлекались носители ЖЯ); параллельное звучание речи с элементами жестового языка может быть понятно лишь свободно владеющим словесным языком и асам чтения с губ. Таким образом, сообщение получается неполным в обеих модальностях: речевой и жестовой. Слышащие педагоги и глухие дети совершенно по-разному оценивали ситуацию обучения — первые считали, что они прекрасно владеют жестами и их рассказы на КЖР легки для восприятия, вторые же отмечали, что понимают лишь отдельные жесты преподавателей.

Разочарование в результатах обучения по методу тотальной коммуникации, а также ряд других факторов привели к появлению

и распространению билингвистического обучения. Настоящим шоком стало распространение информации о низком уровне грамотности глухих детей. Исследование Ричарда Конрада³⁶, одно из краеугольных в области грамотности и образования глухих детей, выявило, что глухие со средними интеллектуальными показателями заканчивают школы с уровнем развития навыков чтения слышащего ребенка 8–9 лет.

По отношению к глухим термин «билингвизм» начал применяться в 1980-е. Действительно, большинство глухих в той или иной мере одновременно владеет жестовым и словесным языком своей страны. У кого-то основным языком является жестовый, кто-то предпочитает словесный, но глухие могут в зависимости от ситуации общения пользоваться обоими³⁷. Билингвистический подход в обучении глухих предусматривает использование двух равноправных и равноценных средств образовательного процесса — национального словесного и национального жестового языков. Оба языка — «равные партнеры» в общении между глухими и слышащими: учителями, учениками, родителями. Развитию этого направления способствовал ряд факторов. Во-первых, фундаментальные научные исследования национальных жестовых языков: работы Уильяма Стоки (США), Мэрри Бреннон (Великобритания), Галины Зайцевой, доказывавшие, что жестовые языки — сложные и богатые лингвистические системы со своей особой грамматикой, лексикой, морфологией, синтаксисом и фонологией. Во-вторых, увеличение миграционных потоков в Европе и США: приток мигрантов из Африки и Азии потребовал решения вопроса обучения второму языку. В-третьих, в обществе изменилось отношение к «не таким, как все». Принятие инаковости и переход к социокультурному подходу к глухим и глухоте также способствовали развитию билингвизма³⁸. Билингвистическое обучение глухих и использование подлинных жестовых языков глухих в настоящее время распространено во многих странах мира как в специальных школах (в Великобритании, США, скандинавских странах), так и при инклюзивной форме обучения (в Исландии, Гонконге, Великобритании). В некоторых странах введение билингвистического образования совпало с изменением отношения к статусу жестового языка — его признали на законодательном уровне³⁹.

В скандинавских странах впервые на современном этапе сурдопедагогики жестовые языки воспринимаются как языковая опора и основа обучения глухих детей. Как отмечает исследователь Кёрстин Хейлинг, в Швеции общеобразовательные школы не считаются оптимальными для обучения глухих детей. Вместо этого отстаивается

политика билингвистического обучения в специальных школах, при котором шведский жестовый язык является первым языком ребенка, а шведский в письменной и затем в устной форме — вторым⁴⁰.

Билингвистическое обучение глухих в России неразрывно связано с именем Галины Зайцевой, которая с момента открытия билингвистической гимназии в 1992 году на базе московской школы № 65 и вплоть до своей кончины в 2005-м была главным вдохновителем и идеологом это учебного заведения⁴¹. Содержание и результаты обучения описаны в работе Зайцевой «Жест и слово», а также в сборнике *Deaf Children and Bilingual Education*. К сожалению, после смерти Галины Зайцевой опыт билингвистического обучения глухих не получил достаточного распространения в России.

Сегодня во многих странах осуществляется переход к инклюзивному обучению, что подразумевает учебу глухих в общеобразовательных школах и влечет за собой необходимость поддержки учащихся со стороны приходящих в школу сурдопедагогов или других специалистов⁴². Как отмечалось выше, инклюзивная форма обучения никоим образом не должна исключать использование жестового языка на различных этапах обучения. Однако сохранение и развитие жестового языка и общения на нем чрезвычайно затруднено при индивидуальной инклюзии (один-два глухих ребенка на школу). Жестовый язык играет более значимую роль и выступает в совсем ином качестве при наличии группы глухих (одного или нескольких классов) в школе.

Например, Харри Кнорс отмечал, что в Нидерландах слабослышащие дети в основном учатся в общеобразовательных школах, в то время как глухие посещают школы для глухих⁴³. Промежуточным вариантом является обучение глухих и слабослышащих детей в небольших отделениях на базе общеобразовательных школ, но в таких учреждениях роль жестового языка как первого языка обычно сокращается.

В настоящее время в мире прослеживаются следующие тенденции в обучении глухих детей:

1. Сохранение специальных школ глухих — как дневных, так и школ-интернатов; во многих из них используется или тотальная коммуникация, или билингвистический подход; национальный жестовый язык является средством и предметом обучения, работают глухие преподаватели.

2. В Европе и США, наряду с сохранением специальных школ, в которых обучаются глухие дети с дополнительными нарушениями, глухие дети из семей мигрантов, приоритет отдается подходу *tailored-made* — стараются максимально учитывать психолого-педагогические особенности глухого ребенка, для него разрабатываются индивидуальные программы. К сожалению, слышащие родители маленьких глухих детей далеко не всегда могут сделать адекватный выбор, касающийся развития своего глухого ребенка, но педагоги и психологи обязаны рассказывать родителям о роли ЖЯ для дальнейшего развития глухого ребенка. Инклюзивное обучение принимает самые разнообразные формы — от частичной до полной инклюзии, от индивидуального обучения до обучения в специальных группах и классах.
3. Повсеместное распространение кохлеарного имплантирования (КИ), которое, однако, не привело к массовому обучению имплантированных детей в общеобразовательных школах; психологи и многие педагоги рекомендуют в случае КИ использование и обучение ЖЯ с раннего возраста.

В ряде стран жестовые языки рассматриваются как «инструменты» для специализированного обучения. Порой их могут использовать только в общении с детьми и взрослыми с особенностями интеллектуального развития. Хотя включение жестовых языков в учебный процесс разнится в странах Европейского союза, на «общем» уровне ЕС считает жестовые языки полностью самостоятельными. Так, Европейский парламент выпустил две резолюции, касающиеся статуса жестовых языков (1988, 1998), а Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) в 2003 году выпустила резолюцию, призывающую защищать жестовые языки в странах ЕС⁴⁴. Роль жестовых языков в образовании закрепила Саламанская декларация ЮНЕСКО (1994). Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов, принятые ООН в 1990-е, четко заявляют о необходимости предоставить доступ к информации и коммуникации, и это также касается роли жестовых языков в обучении⁴⁵.

Благодаря вышеназванным документам некоторые государства на законодательном уровне признали жестовые языки на своих территориях: в одних странах жестовый язык признан на уровне конституции, в других — посредством иных правовых актов⁴⁶. В большинстве государств введение билингвистического образования

совпало с изменением в обществе отношения к статусу жестового языка и с его признанием в качестве равноправного языка⁴⁷.

30 декабря 2012 года русский жестовый язык получил официальный статус: если раньше он признавался лишь языком «межличностного общения», то теперь это «язык общения при наличии нарушений слуха и (или) речи, в том числе в сферах устного использования государственного языка Российской Федерации»⁴⁸. Это означает, к примеру, что при обращении глухого и слабослышащего человека в государственные, муниципальные и судебные органы, он сможет получить услуги переводчика. Признание жестового языка должно способствовать улучшению качества жизни глухих, хотя, как показывает история развития жестового языка, между декларативным признанием его статуса и реальными мерами по государственной поддержке должно пройти время. Однако задачи, поставленные на уровне общей политики в отношении жестовых языков в законодательстве, и реальная ситуация в обучении глухих еще очень далеки друг от друга.

Исключение жестовых языков из процесса обучения противоречит признанию национальных жестовых языков первыми или предпочитаемыми языками глухих; игнорируется тот факт, что доступ к первому языку ребенка открывает путь для его дальнейшего успешного когнитивного развития и билингвизма. Стигматизация жестовых языков в обучении глухих исключает из поля зрения непосредственный опыт глухих взрослых, который необходимо учитывать при формировании будущей политики в отношении жестового языка. Центральная роль жестовых языков в обучении глухих людей в XXI веке не должна вызывать никаких вопросов, если мы всерьез говорим о праве глухих в полной мере участвовать в жизни общества.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ГЛУХИХ И СЛАБОСЛЫШАЩИХ

Влад Колесников — сурдопедагог-
дефектолог, переводчик русского
жестового языка

На разных этапах развития педагогики отношение к глухим и слабослышащим также разнилось. В древнейшие времена, когда словесный язык еще не был сформирован как основной способ коммуникации, глухих практически не отделяли от слышащих людей. Правилам поведения в обществе и основным навыкам глухие дети учились, подражая действиям взрослого — как и все дети в то время. Но с появлением устного языка как средства общения возникли очевидные сложности⁴⁹.

Споры о том, как лучше обучать глухих детей, продолжаются уже несколько столетий. Теория и практика обучения и воспитания глухих в России имеет достаточно долгую историю, основные вехи которой будут рассмотрены в данной статье. Анализ педагогических методов обучения глухих и слабослышащих позволит лучше понять причины имеющихся разногласий, а также прольет свет на то, как и почему обстоят дела с образованием глухих и слабослышащих в нашей стране в настоящее время.

Дефектология — это наука, занимающаяся изучением психофизиологических особенностей развития детей с психическими и (или) физическими недостатками, закономерностей их обучения и воспитания. Вопросами обучения и воспитания конкретно глухих и слабослышащих занимается сурдопедагогика, которая до XVIII века как наука не была сформирована. Педагог-дефектолог Алексей Дьячков в своей работе «Воспитание и обучение глухонемых детей» писал, что до княжения Владимира забота об «убогих детях» как самостоятельная социальная проблема не выделялась и потому не являлась предметом какого-либо особого изучения⁵⁰. В 996 году князь Владимир наказал Церкви заботиться обо всех «убогих», в том числе о глухих⁵¹. Глухие жили и работали при церквях и монастырях, но информации о каких-либо методах обучения не сохранилось. Отчасти дело в том, что Древняя Русь была христианским государством, а Церковь считала глухоту «наказанием Божиим», тем самым способствуя негативному восприятию глухих обществом⁵².

Только в XVIII веке в восприятии глухоты происходят значительные изменения, во многом благодаря активному развитию естественных наук и большему количеству информации о природе глухоты. В 1764 году в Москве и чуть позже в Петербурге⁵³ создаются воспитательные дома, где глухие дети учились вместе со слышащими⁵⁴. Глухие получали в воспитательных домах в основном практические навыки, обучались разным ремеслам, то есть всему, что помогло бы зарабатывать на жизнь.

В конце XVIII века издавался сельскохозяйственный журнал «Экономический магазин». Этот журнал, где в основном публиковались статьи западных специалистов, среди прочего содержал сведения о глухоте и различных методах педагогической помощи. Например, были материалы о видах глухоты, о том, как взаимодействовать с глухим, как можно научить его читать по губам.

Первые училища для глухих в России появились в начале XIX века⁵⁵. Но поскольку училища существовали на деньги благотворителей, они проработали сравнительно недолго. Наиболее благоприятную материальную базу имело училище, созданное под попечительством императрицы Марии Федоровны в 1806 году в Павловске. В 1810 году училище было переведено в Санкт-Петербург, а на должность директора пригласили французского преподавателя Жана Батиста Жоффре⁵⁶. В этом училище детей обучали по мимическому методу французского аббата Шарля-Мишеля де л'Эпе. В основе метода де л'Эпе лежала жестовая речь глухих, дополняемая в процессе обучения специальными придуманными аббатом жестами. Жоффре вел обучение на основе письменной речи, обязательно используя при этом жестовую речь: при знакомстве с предметом или явлением, учащиеся сперва обозначали его жестом, а затем записывали слово.

С 1824 года училищем руководил сурдопедагог Виктор Флери, который был глубоко убежден в целесообразности использования устной, письменной, дактильной речи и жестового языка. Жестовый язык глухих и дактиль активно применялись на начальных этапах обучения, а по мере расширения словарного запаса учащихся основными методами становились устная и письменная речь. Об эффективности использования одновременно разных форм речи Флери писал в своих работах «Глухонемые, рассматриваемые в отношении к их состоянию и к способам образования самым свойственным их природе» (1835) и «О преподавании изустного слова глухонемым» (1859).

В 1860 году в Москве открылось училище для глухих, которое позже было переименовано в Московское городское Арнольдо-Третьяковское училище глухонемых. Его основателем был глухой художник Иван Арнольд⁵⁷. Поскольку в училище с детьми работали глухие преподаватели, то основным методом обучения стал мимический. Помимо устной речи давали русский и немецкий языки.

К концу XIX века в сурдопедагогике нарастало стремление приблизить уровень обучения и воспитания глухих детей к уровню слышащих. Сурдопедагоги все чаще говорили о необходимости обучения глухих устной речи, чтению с губ, грамотности. Наряду с привычными способами обучения, такими как письменная речь, дактиль, жестовый язык, развиваются новые, в первую очередь устная речь.

В 1887 году руководителем Петербургского училища стал Александр Остроградский⁵⁸. Будучи опытным педагогом, он, тем не менее, не был знаком со спецификой обучения глухих детей. Чтобы ликвидировать пробелы в знаниях, Остроградский предпринял командировку за границу. В странах Западной Европы главенствовали положения Второй миланской международной конференции, посвященной обучению глухих детей (1880): жестовые языки, или жестовые коды, намеренно исключались из системы обучения глухих⁵⁹. Изобретенный в Германии лингвистом Самуэлем Гейнике так называемый чистый устный метод⁶⁰, сосредоточенный на развитии речи (а после Второй мировой войны — на использовании остаточного слуха) считался единственным приемлемым и педагогически верным способом обучения глухих детей.

Вернувшись из командировки, Остроградский принялся активно внедрять новую систему обучения: так, к 1900 году в училище был утвержден новый устав, согласно которому «воспитывающиеся в училище обучаются исключительно по устному способу»⁶¹.

Во второй половине 1890-х чистый устный метод приходит в Московское Арнольдо-Третьяковское училище вместе с новым руководителем, дефектологом Федором Андреевичем Рау⁶², приверженцем новой немецкой системы обучения.

В 1900 году в Москве супруги-дефектологи Федор и Наталья Рау открыли первый в России и Европе детский сад для глухонемых, сосредоточенный на формировании устной речи у глухих детей⁶³. К началу XX века была сформирована программа обучения глухих и слабослышащих детей⁶⁴. Эта программа близка по содержанию к программе обучения слышащих детей: большое внимание

уделялось физическому, умственному, нравственному и особенно трудовому воспитанию глухих.

В 1895–1896, 1903 и 1910 годах проходили съезды русских сурдопедагогов, на которых обсуждались актуальные проблемы обучения глухих детей⁶⁵. Предлагались разные подходы, но в основе каждого из них лежал чистый устный метод. Вера в науку и эволюционную теорию Дарвина, высказывания о жестовом языке как о примитивной форме общения глухих приводят к тому, что основной целью обучения глухих становится формирование и развитие устной речи, а основным способом обучения — устная речь.

После Октябрьской революции заботу об обучении и воспитании глухих детей в Советском Союзе впервые целиком и полностью взяло на себя государство. Были созданы различные научно-исследовательские институты, занимающиеся вопросами обучения и воспитания глухих детей⁶⁶. Психолог и дефектолог Лев Выготский в 1924 году предложил новый подход к структуре дефекта, согласно которому глухота являлась первичным дефектом, а немота — вторичным⁶⁷, что ознаменовало новые пути коррекции.

В начале 1930-х в стране в рамках всеобщей ликвидации безграмотности открылось множество школ для глухих и слабослышащих детей. Программа всеобщего образования также коснулась и глухой молодежи, которая получила возможность учиться в средних специальных и высших учебных заведениях⁶⁸.

В 1950-е годы вышла работа Иосифа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в которой отмечалось, что мыслей без языка как устной речи не существует. Вся идеология советской дефектологии, в том числе сурдопедагогики, должна была соответствовать этой идее. Перед советскими учеными-сурдопедагогами стояла задача обучить глухих детей словесной речи. Поэтому вплоть до развала СССР глухота рассматривалась преимущественно в категориях патологии, а жестовый язык как средство межличностного общения воспринимался крайне негативно и даже был запрещен в учебных заведениях (в том числе во внеурочное время).

И все же сурдопедагогика в СССР активно развивалась — разрабатывались новые подходы в обучении и воспитании глухих и слабослышащих детей, обучение становилось дифференцированным и преемственным. Дифференцированный подход в образовании учитывает степень нарушения слуха, уровень развития речи, а также общее развитие ребенка. Преемственность специальных

образовательных учреждений заключается в создании такой системы, которая обеспечивает непрерывный образовательный процесс на смежных этапах развития ребенка. Так, издавалось большое количество научных трудов, разрабатывались единые государственные образовательные программы для специализированных школ. Широко использовались остаточный слух, звукоусиливающая аппаратура, поддерживалась слухоречевая среда⁶⁹ в образовательных учреждениях.

Сегодня в отечественной сурдопедагогике используется коммуниктивно-деятельностный подход, автором которого является сурдопедагог Сергей Зыков. На этапе постановки звуков и обучению грамоте используется дактиль как вспомогательный компонент, затем для обучения и общения он заменяется на письменную и устную речь. Жестовый язык внутри этой системы не предусматривается ни в учебном, ни в воспитательном процессе. На практике ситуация может отличаться: порой глухие или слабослышащие воспитатели используют жестовый язык. Жестовый язык помогает установить контакт с детьми, особенно с глухими. Учителя же стараются не использовать жестовый язык, но и тут встречаются исключения: например, в некоторых школах работают глухие и слабослышащие педагоги, и в таких случаях возможно использовать жестовый язык как основное средство обучения.

Главной проблемой остается обучение произношению глухих и слабослышащих учащихся. С 1990-х в России развиваются альтернативные подходы к обучению: интеграция от частичной и временной до полной (обучение совместно со слышащими людьми), билингвизм и другие⁷⁰. Зарождение билингвистического метода обучения глухих в России связано с именем Галины Зайцевой, автором труда «Жестовая речь. Дактилология». Зайцева отстаивала идею билингвистического обучения в школах глухих (где одним из языков обучения, наряду с русским словесным, выступал русский жестовый язык). Однако после смерти Галины Зайцевой билингвистический метод не нашел путей развития в России.

Сегодня в России глухой и слабослышащий человек может получить не только обязательное среднее (школьное) образование, но также среднее профессиональное и высшее. К сожалению, качество образования в специальных школах зачастую оставляют желать лучшего. Глухое сообщество видит корень проблемы в том, что глухих и слабослышащих людей усиленно стремятся научить говорить, не всегда заботясь о том, понимает ли собственную речь обучаемый. При этом мало внимания уделяется письменной речи.

Глухие же хотят видеть основным способом овладения письменной речью свой родной язык — жестовый, а не столь труднодоступную устную речь.

Ведется активная дискуссия о целесообразности включения русского жестового языка в систему образования глухих. В соответствии с № 296-ФЗ сообщество глухих заявляет о праве на включение жестового языка в систему образования. Однако специалисты не спешат это право реализовывать. В Федеральном государственном образовательном стандарте жестовый язык рекомендован к применению в обучении глухих и слабослышащих детей с дополнительными нарушениями (например, с задержкой психического развития или умственной отсталостью). Официального запрета на законодательном уровне на использование РЖЯ в системе образования глухих и слабослышащих нет, однако такой запрет образовательное учреждение может установить самостоятельно — что и наблюдается в большинстве случаев. Внутренний устав школы или детского сада — это прерогатива директора. Довольно часто именно от его личных взглядов на обучение и воспитание глухих детей зависит, каким будет основной метод обучения, допускаются ли использование жестового языка и дактиля, наличие в штате глухих педагогов и воспитателей. Однако в настоящее время отечественными сурдопедагогами практически совсем не изучено влияние жестового языка на когнитивное развитие ребенка, отсутствуют исследования, посвященные связи жестового языка и грамотности глухих и слабослышащих. Жестовый язык как самостоятельная лингвистическая система и как инструмент в образовательном процессе еще не завоевал доверия у сурдопедагогов, но с приобретением официального статуса имеет все больше шансов на это.

МОДЕЛИ КУЛЬТУРНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ СООБЩЕСТВА ГЛУХИХ⁷¹

Никита Большаков — социолог,
преподаватель НИУ ВШЭ

Глухота, являясь одновременно медицинским, социальным и культурным феноменом, оказывает влияние на различные области жизни глухих и слабослышащих, в том числе на культурную и досуговую сферу. То, в какие музеи ходят глухие и слабослышащие люди, какие жанры кино предпочитают или какими мероприятиями интересуются, может значительно отличаться от практик, установок и предпочтений слышащих. В то же время рассмотрение глухих и слабослышащих как единой совокупности может оказаться ошибочным.

Согласно социологу Пьеру Бурдьё, все культурные практики и предпочтения в литературе, живописи или музыке тесно связаны, во-первых, с уровнем образования, а во-вторых, с социальным происхождением (Bourdieu, 1984. 9). Поэтому владеющий жестовым языком слабослышащий из глухой семьи, обучавшийся в специализированном интернате, может воспринимать культуру совсем иначе, нежели глухой, выросший в слышащей семье и закончивший школу, в которой учились только слышащие. В данном случае под «иначе» подразумевается, что формы культурного потребления глухих и слабослышащих неоднородны и могут быть разложены на несколько устойчивых моделей, выявляемых на основе их включенности в общую культуру или специфическую культуру глухих. Каждая из моделей предполагает наличие специфического жизненного опыта и факторов, которые определяют формирование этого жизненного опыта. Именно гипотеза о наличии нескольких устойчивых моделей культурного потребления положена в основу данной статьи.

Понятие культурного потребления включает в себя помимо непосредственно практик мотивацию и вкусы индивидов (Katz-Gerro, 2004. 14), которые, группируясь в определенных комбинациях, образуют паттерны культурного потребления. Таким образом, важно понимать не только что именно потребляет тот или иной индивид, но и как он это делает. Культурные практики — это действия, направленные на включение индивида в более широкий культурный контекст. Важной особенностью сообщества глухих и слабослышащих является то, что под культурным контекстом может подразумеваться

как включение индивидов в доминирующую культуру большинства (слышащих), так и ориентация на специфическую культуру Глухих, в рамках которой происходит усвоение определенных культурных кодов. Поэтому помимо общедоступных практик необходимо изучать специфические, такие как посещение Театра мимики и жеста, концертов жестовой песни, выставки глухих художников и т. д. При построении моделей культурного потребления учтен уровень индивидуальной установки человека на культуру Глухих, которая обычно рассматривается достаточно широко — как набор определенных социальных убеждений, паттернов поведения, художественных и литературных традиций, общность истории, ценностей, институтов сообщества. В ходе анализа было выявлено три однородных паттерна культурного потребления людей с нарушениями слуха.

1. Паттерн культурной инклюзии.

Данный паттерн распространен среди людей с низкой установкой на культуру глухих и преобладающей коммуникативной, познавательной и рекреационной мотивацией. Характерны частое посещение кинотеатров, музеев (в том числе с экскурсиями на жестовом языке), спектаклей не на жестовом языке (в рамках театральных фестивалей и т. п.) и различных концертов, а также экскурсий в различных музеях, в том числе сопровождаемых переводом на жестовый язык. Данная модель потребления культуры предполагает максимальную готовность человека к инклюзии. Социализация, а также накопление опыта, необходимого для жизни в обществе, происходили, как правило, в инклюзивной среде слышащих родителей с высоким уровнем образования и/или в общеобразовательной школе. К моменту вступления в самостоятельную жизнь такие глухие имеют высокий уровень культурного капитала. К данной группе чаще принадлежат глухие и слабослышащие, которые также сами имеют высшее образование и общаются предпочтительно со слышащими.

2. Паттерн пассивного культурного потребления.

Этот паттерн характерен для людей, предпочитающих в основном домашние культурные практики (чтение книг, журналов, газет, в том числе специализированных, о жизни людей с нарушениями слуха, просмотр кино и телевизионных передач с субтитрами). У таких респондентов можно отметить средний показатель установки на культуру глухих, а мотивация направлена на семейное общение и коммуникацию. Возможности интеграции и инклюзии в данном случае ограничены за счет ориентации человека на пассивное и «домашнее» культурное

потребление. Люди, культурное потребление которых относится к данной модели, имеют высшее образование, но происходят в основном из слышащих семей с низким уровнем образования и культурного капитала (они слабо вовлечены в культурные практики и не обладают достаточными навыками для декодирования и интерпретации произведений искусства). Могут обладать потерей слуха различных степеней (от низких степеней до глухоты), владеть жестовым языком, общаться как со слышащими, так и с людьми с нарушениями слуха, но при этом не могут считаться однозначно интегрированными ни в слышащее большинство, ни в сообщество глухих и слабослышащих.

3. Паттерн культурной изоляции.

Данный паттерн характерен для людей, выбирающих те виды культурных практик, которые ориентированы исключительно на культуру глухих: посещение фестивалей и концертов жестовой песни, концертов с участием глухих и слабослышащих артистов, исполнителей и музыкантов, спектаклей на жестовом языке, праздничных концертов для глухих в Театре мимики и жеста, в ГСИИ и других местах, а также дискотек глухих. Высоки частота общения с друзьями, развлекательная и коммуникационная мотивация при выборе культурных практик, а также приоритет культуры глухих. Очевидно, что все это предполагает минимальный уровень культурной инклюзии и максимальную ориентацию на собственную идентичность и изоляцию. Люди, для которых характерен данный паттерн культурного потребления, происходят, как правило, из «глухих» семей с низким уровнем культурного капитала и образования. Социализация проходила в рамках замкнутого сообщества, предпочтительной формой коммуникации в котором является жестовый язык, и во взрослой жизни такие люди продолжают воспроизводить усвоенную в детстве модель. В основном это люди с высокой степенью потери слуха, у которых нет слышащих знакомых и которые предпочитают коммуникацию на жестовом языке. Хотя представители данной группы ориентированы в основном на специфические культурные практики, возможность контактов с общей культурой не исключена. В частности те, кому близка модель культурной изоляции, посещают специально организованные для глухих экскурсии (причем проводимые на жестовом языке или сопровождающиеся переводом на жестовый язык⁷²). Таким образом, глухие включаются в общую культуру не как отдельные

индивиду, а как представители меньшинства в ходе специализированных мероприятий, позволяющих поддерживать групповую идентичность.

Таким образом, невозможно говорить о существовании какой-то единой модели потребления культуры глухими и слабослышащими, что необходимо учитывать при разработке различных программ для данной аудитории. Полученные в ходе исследования устойчивые модели культурного потребления представляют интерес в контекстах обеспечения равного доступа всех людей с нарушениями слуха к инструментам культуры, и существования культуры глухих, являющейся для многих глухих и слабослышащих основным или даже единственным культурным ориентиром. Ключевыми паттернами, выделенными в статье, стали паттерны культурной инклюзии, культурной изоляции и пассивного культурного потребления. Каждый паттерн требует особого подхода при формировании принципов работы с данной социальной группой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автобиография основателя Московского Арнольдовского училища для глухонемых детей обоего пола Ивана Карловича Арнольда. — М., 1910.
2. Басова А. Очерки по истории сурдопедагогики в СССР. — М., 1965.
3. Всероссийское общество глухих. История, развитие, перспективы / ред. В. Ушаков. — Л.: ЛВЦ, 1985.
4. Гинзбургский Д. Помню трагический 37-й // Ленинградский мартиролог 1937–1938. — СПб., 1999.
5. Дьячков А. Обучение и воспитание глухонемых детей. — М., 1957.
6. История Всероссийского общества глухих. В 3 т. / сост. и отв. ред. В. Паленный. — М., 2007–2011.
7. Ильменский А. Статистический очерк о глухонемых России. — СПб., 1906.
8. Лаговский Н. Санкт-Петербургское училище глухонемых (1810–1910). Исторический очерк. — СПб., 1910.
9. Маньков С. Жизнь и творчество глухонемого художника-гравера Н. Ивашенцова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. — 2016. № 1. С. 42–46.
10. Мердер И. Призрение глухонемых в России // Вестник благотворительности. № 3.
11. Москва и глухие москвичи / сост. и отв. ред. В. Паленный. — М., 2012.
12. Разумов А., Груздев Ю. Дело ленинградского общества глухонемых // Ленинградский мартиролог 1937–1938.
13. Самарина И. Культурный капитал студенческой молодежи в условиях перехода России на инновационный тип развития: диссертация... кандидата социологических наук : 22.00.03 / Саратов. гос. соц.-эконом. ун-т. 2010.
14. Флери В. Глухонемые, рассматриваемые в отношении к их состоянию и способам образования, самым свойственным их природе. — СПб, 1835.
15. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste. Cambridge: Harvard University Press, 1984.
16. Bourdieu P. Outline of a Sociological Theory of Art Perception. International Social Science Journal, 1968, vol. 20, pp. 589–612.
17. Katz-Gerro T. Cultural consumption research: review of methodology, theory, and consequence. International Review of Sociology, 2004, vol. 14 (1), pp. 11–29

Периодические издания и СМИ глухих

- «В едином строю» — журнал ЦП ВОГ, издается с 1972 года.
- «Вестник Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых (Санкт-Петербург)» — издавался в 1902–1915 годах.
- «Жизнь глухонемых» — газета ВОГ, издавалась в 1924–1933 годах.
- «Жизнь глухонемых» — журнал ВЦСПС, издавался 1933–1941 годах.
- «Известия Московского комитета глухонемых» — издавались в 1917 году.
- «Мир глухих» — газета Московской городской организации ВОГ, издается с 1987 года.
- «Мир глухонемых (Петроград)» — издавался в 1916–1917 годах.

Использованы материалы из Государственного архива Российской Федерации

ГАРФ Ф. 511. Оп. 1. Д. 1

ГАРФ Ф. 511. Оп. 1. Д. 2

ГАРФ Ф. 511. Оп. 1. Д. 3

ГАРФ Ф. 511. Оп. 1. Д. 5

ГАРФ Ф. 511. Оп. 1. Д. 8

БЛОК 3.

**ДЕКОНСТРУИРУЯ
ОТНОШЕНИЯ**

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ПЕРЕВОДЧИКА В МУЗЕЕ: РЕКОМЕНДАЦИИ ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Ирина Гинзберг — психолог, переводчик
русского жестового языка
Влад Колесников — сурдопедагог-дефектолог,
переводчик русского жестового языка

Сотрудники отдела инклюзивных программ Музея «Гараж», находясь в постоянном диалоге с переводчиками жестового языка, регулярно обновляют программы для глухих и слабослышащих посетителей. Ниже даны советы, которые позволят сделать экскурсии максимально комфортными как для глухих и слабослышащих посетителей, так и для смешанной аудитории. Отдельное внимание уделено созданию необходимых условий для работы переводчика на мероприятиях.

Как организовать рабочее место переводчика жестового языка на лекциях, конференциях и других мероприятиях?

Если вы планируете мероприятие (например, лекцию или конференцию, то есть разовое событие), во время которого будет осуществляться перевод на жестовый язык, то:

- резервируйте для глухих и слабослышащих посетителей места на первых двух рядах в зале или же в случае рассадки в форме амфитеатра боковые места напротив переводчика — в зоне хорошего обзора;
- при выборе места для переводчика учитывайте, что он должен находиться недалеко от выступающего, в зоне обзора всех нуждающихся в жестовом переводе посетителей: лицо и руки переводчика должны быть хорошо освещены;
- выбирайте место так, чтобы переводчик не перекрывал ни выступающего, ни экран (в случае демонстрации слайдов или видеоматериалов);
- визуально обозначьте место, где будет находиться переводчик, чтобы участники, опаздывающие посетители или операторы, снимающие мероприятие, не перекрывали переводчика для аудитории;

- учитывайте архитектурные особенности помещения: если имеются конструктивные элементы (колонны и т. п.), которые затрудняют обзор, и/или планируется большое количество глухих и слабослышащих посетителей, подготовьте два рабочих места для переводчиков жестового языка по обеим сторонам от спикера, так, чтобы все посетители имели доступ к информации;
- если есть возможность, подготовьте переводчику место на каком-либо возвышении, чтобы он был в зоне видимости всех посетителей, воспринимающих информацию на жестовом языке;
- если планируется выступление глухого спикера на его национальном жестовом языке или доклад международными жестами, найдите компетентного переводчика: как для прямого перевода на РЖЯ, так и для обратного перевода с РЖЯ, а также позаботьтесь о переводчике РЖЯ, который будет работать с аудиторией;
- предоставьте переводчику доклады выступающих или тезисы лекции с указанием сокращений, часто используемых терминов и упоминаемых персоналий;
- если выступление на иностранном языке и синхронно переводится на русский, заранее проверьте состояние и настройки каналов радиоаппаратуры переводчика;
- обеспечьте отсутствие сторонних шумов (уличные шумы, звуки из соседних помещений) — переводчик испытывает дополнительную нагрузку и сложности, например, из-за тихой речи или из-за нечеткого произношения выступающего;
- будьте внимательны к условиям труда переводчика: на мероприятиях, продолжительностью более 1,5 часа, переводчики жестового языка должны работать в паре, меняясь каждые 20 минут;
- не забудьте предоставить переводчику воду.

Если вы планируете записывать синхронный перевод мероприятия на РЖЯ на видеокамеру, то:

- для обеспечения максимально точного перевода поместите монитор, ноутбук или планшет рядом с камерой (переводчик,

используя возможности периферийного зрения, не будет явно отводить взгляд от объекта). Переводчик, работая на камеру, сможет видеть те слайды или видеоматериалы, о которых говорит лектор, что поможет быстрее подобрать жесты, максимально точно передающие смысл и образ сказанного.

Если необходимо перевести записанную ранее лекцию, то:

- заранее предоставьте переводчику запись лекции и материалы (фото, видео, презентация и т. п.), которые демонстрировались на ней, а также расшифровку лекции для уточнения упоминаемых персоналий, аббревиатур, сокращений и незнакомых терминов.

Если вы организуете и/или ведете экскурсию с переводом на жестовый язык, то:

- предоставьте переводчику возможность заранее ознакомиться с материалами, экспозицией и маршрутом экскурсии;
- собирайте группу не более 10–15 человек: это количество участников, при котором обзор, перемещение и восприятие информации максимально комфортны для всех;
- ограничьте продолжительность экскурсии: она должна длиться не более 1–1,5 часа;
- старайтесь не перегружать экскурсию большим количеством информации — не надо пытаться рассказать обо всех экспонатах;
- сообщите посетителям регламент экскурсии, обговорите, когда можно задавать вопросы: по ходу экскурсии или уже по ее завершении;
- старайтесь не говорить и не давать дополнительные комментарии при переходе от экспоната к экспонату;
- прежде чем начать говорить о том или ином экспонате, дождитесь, пока к вам не подойдут все участники экскурсии;
- обращайтесь к участникам: если во время экскурсии к группе присоединяются любопытствующие посетители, и это затрудняет глухим и слабослышащим экскурсантам обзор экспозиции и переводчика, попросите слышащих посетителей

не вставать в первый ряд. Объясните, что данная экскурсия проводится для аудитории, которая получает информацию визуально, поэтому важно не перекрывать обзор переводчика и экспозиции.

- вставляйте рядом с переводчиком так, чтобы не перекрывать экспонат;
- помните, что посетитель задает вопрос экскурсоводу через переводчика, а экскурсовод, отвечая на него, обращается непосредственно к посетителю, задавшему вопрос; переводчик в свою очередь передает всю информацию, без добавления комментариев от себя.
- после озвучивания названия работы, а также после упоминания конкретной детали, стоит дать посетителям время на рассматривание экспоната. Дождитесь, когда внимание посетителей вновь будет обращено на вас, и только тогда продолжайте экскурсию. Если вы видите, что просмотр экспоната затягивается, напомните, что у посетителей будет время ознакомиться с экспонатами самостоятельно после экскурсии;
- помните, что ни вы, ни переводчик не должны стоять спиной к источнику света — это затрудняет обзор: ваше лицо и руки переводчика оказываются в тени.

Что нужно знать, если вы организуете экскурсию глухого экскурсовода (для смешанной группы и для группы из глухих и слабослышащих посетителей):

- помните, количество экскурсантов зависит от размеров помещения; обычно в группе должно быть 10–12 человек;
- обговорите, когда можно задавать вопросы: во время или после экскурсии. Регламентируйте очередность задаваемых вопросов и получаемых ответов, чтобы и слышащие, и глухие экскурсанты были вовлечены в процесс общения;
- во время перевода экскурсии глухого экскурсовода комбинированной группе посетителей переводчику необходимо занять место напротив экскурсовода, за спинами посетителей, так, чтобы он переводил все реплики и вопросы экскурсантов в рамках регламента, который определяет экскурсовод.

Что нужно учитывать, если ваше выступление переводят на жестовый язык:

- не спешите, всегда заканчивайте предложения, речь должна быть четкой, хорошо интонированной — все это позволяет переводчику работать быстрее и точнее;
- если есть возможность, заранее предоставьте переводчику примерный текст выступления (хотя бы основные тезисы);
- если ваше выступление — экспромт, старайтесь выражать свои мысли простыми фразами, поскольку у переводчика на размышление есть лишь доли секунды;
- если вы используете иноязычные термины и/или фразы, заранее предоставьте переводчику их перевод (при синхронном переводе почти нет времени на осмысление и подбор верной грамматической конструкции). В противном случае слово или фразу придется транскрибировать и передавать побуквенно посредством дактиля, что значительно снизит скорость перевода и его понятность для аудитории.
- сообщите посетителям о регламенте проведения лекции, обговорите, когда можно задавать вопросы: во время или после выступления;
- отвечая на вопрос глухого или слабослышащего посетителя, заданный через переводчика, обращайтесь к спрашивающему, а не к переводчику.

Что нужно учитывать, если осуществляется обратный перевод (с ЖЯ на словесный) вашего выступления:

- если есть возможность, заранее предоставьте переводчику примерный текст выступления (хотя бы основные тезисы);
- не спешите: передача информации посредством жестового языка может быть очень емкой и образной — мысль, переданная вами парой-тройкой жестов или одним простым предложением, может быть переведена двумя-тремя развернутыми предложениями. Несовпадение темпов говорящего на жестовом языке и переводчика, осуществляющего обратный перевод, может привести к снижению качества перевода: переводчик начнет отставать от спикера, пропускать фразы;

- постарайтесь заранее пообщаться с переводчиком (попросите у организаторов его контакты), обсудите свое выступление, нюансы перевода;
- обязательно найдите время для встречи с переводчиком незадолго до вашего выступления. даже 15–20 минут позволят обсудить возможные изменения в структуре вашего выступления;
- если ваше выступление не подготовлено заранее, пожалуйста, не спешите. Четко, дактильно, прописывайте названия малоизвестных географических названий и мест, имена и фамилии людей, понятия и термины, не имеющие жеста-эквивалента;
- если вы упоминаете малоизвестные топонимы, имена и фамилии, названия компаний или команд и т. д., сначала дактильно передайте эти слова и только потом назовите их жестовым обозначением или именем. Слушатели и переводчик не всегда могут знать жестовое обозначение редкого топонима.

На что следует обращать внимание при найме переводчика жестового языка:

- переводчик должен быть квалифицированным и компетентным специалистом в сфере коммуникации глухих и слабослышащих; обладать высоким уровнем знания и владения жестовым языком; владеть прямым и обратным переводом; знать предметную терминологию в области мировой культуры, изобразительного искусства и музейного дела;
- если вы не уверены в компетенции переводчика, пригласите на собеседование эксперта из числа носителей жестового языка, который оценит уровень знания и владения жестовым языком (экспертом может быть один из посетителей ваших программ для глухих и слабослышащих);
- для поиска и приглашения переводчика используйте рекомендации представителей общества глухих и слабослышащих посетителей вашего музея;
- размер гонорара переводчика определяется соглашением сторон, зависит от сложности и объема работ, опыта и квалификации переводчика и обговаривается в индивидуальном порядке.

Как максимально правильно и качественно организовать процесс перевода?

Вот некоторые рекомендации для работающих на мероприятиях переводчиков:

- переводить спикера или экскурсовода нужно от первого лица;
- информация должна передаваться без упущений или дополнений;
- информация должна передаваться безоценочно;
- не нужно вводить новые жесты на замену уже существующим, которые, с точки зрения переводчика, выглядят грубо и/или неэстетично;
- в процессе перевода не нужно комментировать, делиться личными впечатлениями, показывать и навязывать своего отношения к переводимой информации;
- во время дискуссии необходимо осуществлять перевод реплик и вопросов из зала, а также шумов, относящихся к происходящему;
- необходимо переводить экскурсоводу не только прямые вопросы, но также обсуждения между участниками по теме экскурсии. Личные разговоры, не относящиеся к теме экскурсии, переводить не нужно.
- нужно соблюдать профессиональный дресс-код: одежда должна быть темного, желательно черного, цвета, однотонная и без принтов; маникюр — нейтральный; волосы не должны закрывать лицо;
- необходимо соблюдать профессиональные этические нормы, знать и уважать культуру, историю, правила поведения и этику общения сообщества глухих;
- нужно адекватно оценивать свою квалификацию и не соглашаться на заказ в случае недостаточной компетенции;
- во время экскурсии необходимо стоять так, чтобы все посетители видели и экспонат, и экскурсовода, и вас;

- при обратном переводе экскурсии необходимо стоять напротив экскурсовода, за спинами посетителей;
- при проведении мероприятий с участием глухих иностранных выступающих и посетителей, переводчик международных жестов или национального жестового языка и переводчик русского языка встают с разных сторон от докладчика;
- переводчики, на мероприятии работающие в паре, располагаются напротив друг друга, чтобы у них была возможность подстраховывать друг друга, если возникнут затруднения в переводе или в подборе жеста;
- при обратном переводе переводчики находятся рядом в первом ряду, переводя поочередно по 20 минут и подстраховывая друг друга во время работы.

Что еще?

Музей современного искусства «Гараж» рекомендует переводчикам жестового языка для повышения уровня квалификации, совершенствования знаний и предметной терминологии в области современного искусства, мировой культуры и музейного дела изучить «Словарь терминов современного искусства на русском жестовом языке», который был разработан отделом инклюзивных программ Музея.

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОДВИЖЕНИЮ СОБЫТИЙ ДЛЯ СМЕШАННЫХ ГРУПП ПОСЕТИТЕЛЕЙ

Влад Колесников — сурдопедагог-дефектолог, переводчик русского жестового языка

Музей современного искусства «Гараж» по праву может считаться первым в России музеем, который поднял вопросы доступности знания для сообщества глухих во всем его многообразии. Помимо организации событий для взрослых глухих и слабослышащих сотрудники отдела инклюзивных программ занимаются организацией мероприятий для смешанных групп посетителей. Например, в программе Музея есть события (такие как «Семейный день»), рассчитанные на единовременное совместное пребывание детей и взрослых — глухих, слабослышащих и слышащих (глухие родители с глухими и слышащими детьми, а также слышащие родители с глухими детьми).

Если на мероприятии происходит односторонняя статичная передача информации (как бывает на конференциях, тренингах, лекциях или экскурсиях в форме экспертного монолога), сотрудничество с переводчиком РЖЯ и внимание к условиям его труда — это единственное и достаточное условие создания доступного события. Но что делать с такими форматами, как дискуссии и круглые столы? Как сделать диалог, обсуждение полноценным, охватывающим всех участников? Как сделать, чтобы слышащие и неслышащие люди чувствовали себя комфортно? В этой статье даны рекомендации для тех, кто хочет организовать мероприятие для смешанной аудитории, событие, где коммуникация менее иерархична и больше ориентирована на вовлечение посетителя, будь то мастер-класс, дискуссия после просмотра фильма или же экскурсия, в основе которой — диалог.

Субтитры

Чтобы дискуссия после просмотра фильма (или обсуждение видеоработ, представленных на выставке, или любое другое мероприятие, требующее просмотра видео со звуком, с речью) состоялась, сопроводите весь демонстрируемый видеоматериал субтитрами. При демонстрации фильмов стоит придерживаться стандартных правил субтитрования:

- Не больше двух строк в субтитре.
- Длина строки — не более 35 символов, считая пробелы и знаки препинания.
- Цвет субтитров — белый или тускло-желтый, с тонкой черной окантовкой. Шрифт — Arial. Это основной шрифт в мировой практике создания субтитров. Применяют и другие, например, Times New Roman, Tahoma. Шрифт должен быть простой, не слишком жирный, буквы не должны сливаться.
- Расположение — внизу по центру экрана. Если есть широкая черная рамка сверху и внизу изображения — текст лучше располагать на нижней рамке.
- Если предложение разбито на два субтитра, части предложения не разделяются многоточиями.

Экскурсия для смешанной группы взрослых посетителей

При организации экскурсии, на которой будут присутствовать глухие и слышащие посетители, нужно учитывать следующие моменты:

- Если экскурсию ведет слышащий экскурсовод посредством голоса, то для глухих и слабослышащих участников экскурсии необходим переводчик жестового языка. Переводчик должен быть достаточно квалифицирован.
- Переводчика надо заранее познакомить с материалами, экспозицией и маршрутом экскурсии.
- В связи с высокой утомляемостью группы продолжительность экскурсии должна быть не более 1–1,5 часа.
- Наполняемость смешанной группы зависит от размеров экспозиционного пространства, но оптимальным считается не более 10–15 человек: это то количество участников, при котором обзор, перемещение и восприятие информации максимально комфортны для всех.
- Перед проведением экскурсии следует уточнить, что место в первом ряду предназначено для глухих и слабослышащих посетителей, поскольку они воспринимают информацию зрительно через переводчика, и важно не загромождать его.

- Экскурсовод и переводчик должны вставать таким образом, чтобы не перекрывать экспонат (по разные стороны от объекта или по одну сторону от него, рядом друг с другом).
- Экскурсоводу и переводчику жестового языка не следует располагаться спиной к источнику света — лицо экскурсовода, а также лицо и руки переводчика, будут не видны глухим участникам экскурсии.
- Экскурсоводу следует воздержаться от комментариев во время перехода от экспоната к экспонату — не все глухие и слабослышащие участники экскурсии смогут увидеть перевод переводчика на ходу. Также стоит дожидаться, когда подойдут все участники экскурсии, прежде чем начать говорить о следующем экспонате.
- После озвучивания названия работы, а также после упоминания конкретной детали на экспонате в процессе рассказа, стоит дать глухим и слабослышащим посетителям время на рассматривание экспоната, поскольку они не имеют возможности, как слышащие посетители, одновременно смотреть и слушать. Дождитесь, когда внимание посетителей вновь будет обращено на вас, и только тогда продолжайте экскурсию. Если вы видите, что рассмотрение экспоната затягивается, напомните, что у посетителей будет время ознакомиться с экспонатами самостоятельно и более подробно после экскурсии.
- Если экскурсию ведет глухой экскурсовод, слышащим посетителям необходимо предоставить переводчика, осуществляющего перевод с жестового языка. Переводчик также должен быть достаточно квалифицирован для обратного перевода.
- Стоит сообщить посетителям о регламенте проведения экскурсии, о возможности задать вопросы по ходу экскурсии или уже по ее завершении. Нужно регламентировать очередность вопросов и ответов, чтобы все участники были вовлечены в дискуссионную часть.
- Во время перевода экскурсии глухого экскурсовода переводчику необходимо занять место напротив экскурсовода, за спинами посетителей, так, чтобы переводить все реплики и вопросы экскурсантов в рамках регламента, который определяет экскурсовод.

- Будьте внимательны во время дискуссионной части: глухой посетитель задает вопрос экскурсоводу через переводчика, а экскурсовод, отвечая на него, должен обращаться с ответом непосредственно к посетителю, задающему вопрос, а не к переводчику; переводчик же передает в точности всю информацию, без своих комментариев.
- При организации экскурсий для смешанной аудитории бывает сложно подобрать квалифицированного переводчика, также возникает опасность забыть о ком-то в ходе экскурсии — две группы участников воспринимают одну и ту же информацию по-разному: отличается и тип восприятия, и скорость. Например, слышащий экскурсовод может забыть сделать паузу после того, как описал деталь экспоната, а эта пауза нужна, чтобы глухие могли рассмотреть деталь, не пропустив рассказ. Или глухой экскурсовод может забыть, что слышащие посетители не так активно жестикулируют для привлечения внимания, как это принято у глухих, и пропустит вопрос от слышащего участника экскурсии.

Экскурсия для смешанной группы детей

Организация экскурсий для детской смешанной группы аналогична подготовке экскурсии для взрослых посетителей, с одной лишь разницей: в случае с взрослой смешанной аудиторией можно не фиксировать внимание на возрасте участников, а при работе с группой детей возраст учитывать необходимо. Развитие глухого и слабослышащего ребенка существенно отличается от развития слышащего, и это особенно заметно в дошкольном и младшем школьном возрасте, к среднему и старшему возрасту эти различия почти стираются (подробнее о том, как музей может поставить это различие во главу угла — в материале о программе «Музей для начинающих» на с. 114 настоящего издания). Поэтому наиболее верным решением будет пригласить для помощи в разработке экскурсии специалиста с педагогическим образованием, не понаслышке знакомого с особенностями развития глухого ребенка. В случае с мастер-классами для смешанной аудитории также будет крайне благоприятно участие сурдопедагога, способного составить программу, адаптированную для глухих и слабослышащих детей конкретного возраста. Самое важное, о чем не стоит забывать именно вам, — это о более скудном словарном запасе детей, по сравнению с взрослыми, и о разнице словаря глухого и слышащего ребенка.

О продвижении событий для смешанной аудитории

Жизнь глухого и слабослышащего ребенка зачастую подчинена строгому распорядку дня образовательного учреждения —

Экскурсия для смешанной группы в Музее современного искусства «Гараж»

детского сада или школы. Поэтому если экскурсию и мастер-класс планируется проводить в будний день, ее необходимо согласовать с руководством школы, с воспитателями и учителями. В выходные дни, как правило, больше свободы, поскольку досуг детей в это время контролируют родители.

Для распространения информации о проведении образовательных событий для смешанных групп стоит задействовать все те ресурсы, которыми пользуются и глухие и слышащие посетители. Для продвижения образовательных программ в интернете используйте специализированные сайты и социальные сети. Например, стоит договориться о размещении анонса мероприятия на сайте регионального отделения ВОГ и т. п.

Кроме того, правильным шагом будет записать видеоанонс мероприятия. Видеоанонсы на РЖЯ необходимы для глухой аудитории, поскольку некоторые представители сообщества глухих не владеют навыками чтения. Идеально, если видеоанонсы также будут сопровождены субтитрами (это позволит охватить глухих, не очень хорошо владеющих жестовым языком), но, если под видеоанонсом расположен подробный текст, субтитры не обязательны. В тексте анонса должны быть указаны способы регистрации на мероприятии — посредством СМС, сообщения в WhatsApp, электронной почты и т. п.

Видеоанонсы можно распространять как на «общих» страницах музея в социальных сетях, так и в специальных группах музея (например, в Музее современного искусства «Гараж» существуют как отдельные группы на Facebook и во «ВКонтакте», так и Instagram-аккаунт, где основным каналом коммуникации являются видео на РЖЯ). Кроме того, стоит разместить анонсы в городских группах глухого сообщества; среди онлайн-ресурсов глухих есть свои группы, куда можно обратиться, чтобы распространить информацию о событии, — например, группа «Центр образования глухих и жестового языка» в социальной сети «ВКонтакте».

Для офлайн-продвижения образовательных событий стоит наладить контакты с региональным отделением ВОГ, специальными детскими садами и школами, а также с другими общественными организациями, работающими с глухими и слабослышащими (например, с фондом «Мелодия жизни»). Они могут рекомендовать посетить такие мероприятия не только глухим и слабослышащим людям, но и их слышащим родственникам и друзьям.

ПОДГОТОВКА ПЕРСОНАЛА: ТРЕНИНГИ ПО ПОНИМАНИЮ ИНВАЛИДНОСТИ В МУЗЕЕ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА «ГАРАЖ»

Влад Колесников — сурдопедагог-
дефектолог, переводчик русского
жестового языка

Работа с новой аудиторией музея бросает его сотрудникам новые вызовы. Чтобы работники «Гаража» понимали, насколько разнообразна аудитория Музея, отдел инклюзивных программ регулярно проводит тренинги по пониманию инвалидности. Глухой или слабослышающий посетитель взаимодействует не только с сотрудниками отдела инклюзивных программ, его встречает служба безопасности, работники гардероба, стойки информации. Кроме того, посетитель может столкнуться с трудностями при навигации в Музее, и ему понадобится помощь первого встречного сотрудника «Гаража»... Словом, сценарии взаимодействия с Музеем глухого посетителя, так же как и слышащего, разнообразны. Важно, чтобы слышащие сотрудники понимали, как комфортнее строить коммуникацию с глухими посетителями, любой контакт с работниками музея формирует впечатление от институции. Обеспечивая максимально комфортную среду для посетителя, мы можем рассчитывать на то, что он придет еще раз и посоветует побывать в музее родным и близким.

Тренинг, проводимый сотрудниками отдела инклюзивных программ, состоит из двух частей — теоретической и практической. В теоретической части внимание сосредоточено на разнообразии сообщества глухих, культуре глухих и особенностях восприятия информации, также разбираются распространенные стереотипы и мифы о глухих. Не перегружая сотрудников большим количеством информации, мы стремимся дать представление о том, как устроено это сообщество. В случае с глухими мы говорим о медицинской и социокультурной концепциях понимания глухоты. Как сформировалась самоидентификация глухих, какой концепции должен придерживаться музей, чтобы глухому или слабослышащему было комфортно в нем находиться? Нам важно раскрыть вопрос изнутри — как и почему глухие и слабослышащие все же по-разному относятся к собственной потере слуха. Почему не стоит говорить «глухонемой» или «инвалид по слуху»? Почему «жестовый язык», а не «язык жестов»? Эти и другие

вопросы мы разбираем для того, чтобы сократить дистанцию между культурой глухих и культурой слышащих.

Дискуссионная часть тренинга строится вокруг разбора множественных мифов и стереотипов, связанных с сообществом глухих, например, таких:

- Все глухие и слабослышащие прекрасно читают по губам.
- Слуховой аппарат и кохлеарный имплант — это как очки — человек с имплантом или слуховым аппаратом все хорошо слышит и понимает.
- У глухих обязательно рождаются глухие дети.
- Глухой значит немой, не может говорить вообще.
- Глухие недееспособны: не могут сами хорошо зарабатывать, не могут создавать полноценную семью, не могут получить высшее образование, не самостоятельны и зависят от слышащего сопровождающего.

Мы также предупреждаем о существовании стереотипов самих глухих по отношению к слышащим — так, многие глухие считают, что все слышащие к ним относятся негативно, пренебрежительно или снисходительно.

В практической части тренинга мы моделируем ситуации, которые чаще всего происходят с глухими посетителями в Музее. Сперва сотрудники стремятся найти решение самостоятельно, а затем вместе с ведущим (или ведущими) тренинга обсуждают эти решения и вырабатывают оптимальные. Также в практической части дается минимальный словарь терминов и фраз на русском жестовом языке, которые помогут наладить контакт с глухим или слабослышащим посетителем.

Для каждого отдела предусмотрен свой словарь — так, например, сотруднику службы безопасности, встречающему посетителей, не обязательно знать, как сказать на жестовом языке «пенсионное удостоверение», а для сотрудника стойки информации неактуальна фраза «Покажите вашу сумку, пожалуйста». Однако есть общие слова и фразы, которые полезно знать всем сотрудникам: «Здравствуйте», «Вам помочь?», «Место сбора на экскурсию», «Туалет», «Касса», «Гардероб», «Кафе», «Извините»,

«Не трогайте, пожалуйста», «Спасибо», «Музей закрывается», «До свидания».

«Словарная» часть тренинга, как показал опыт Музея «Гараж», оказалась крайне востребованной, поэтому сотрудники отдела инклюзивных программ создали курс из пяти занятий по основам русского жестового языка для работников других музеев.

Разработчиком и ведущим тренинга должен быть эксперт в области глухих, в идеале — носитель жестового языка и культуры глухих. Однако это не должен быть любой грамотный глухой или слабослышащий носитель языка — важно, чтобы он знал также о том, как слышащие относятся к глухим, и умел взаимодействовать со слышащей аудиторией. Для эксперта обязательно высшее сурдопедагогическое образование — то есть человек должен хорошо понимать, что такое медицинская и культурная модели понимания глухоты. Кроме того, специальное образование необходимо для того, чтобы эксперт смог грамотно и доступно объяснить, почему, например, не все глухие понимают написанный текст. Или почему два человека со схожим уровнем слуха совершенно по-разному адаптированы в обществе? На эти вопросы сможет ответить далеко не каждый глухой или слабослышащий. К сожалению, сейчас в России довольно мало экспертов в области культуры глухих, поэтому можно пригласить зарубежного специалиста. Во многих городах Европы и США доступностью музейной среды для глухих и слабослышащих посетителей успешно занимаются не один год.

Когда иностранец попадает в чуждую ему языковую среду, он чувствует себя потерянным. Глухие люди — как иностранцы среди слышащих: им тоже очень некомфортно от того, что они не понимают или понимают с трудом обращенную к ним устную или письменную речь. И для глухих и слабослышащих людей большая радость, если слышащий обращается к ним на их родном языке — жестовом. Неважно, насколько это неидеальные жесты, представители сообщества глухих, чаще всего, высоко оценят сам факт попытки. А положительный опыт и хорошее настроение посетителей — это залог востребованности музея.

СОЗДАНИЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ ПОЗДНООГЛОХШИХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ И УЧАСТНИКОВ СООБЩЕСТВА ГЛУХИХ, ГОВОРЯЩИХ НА АМЕРИКАНСКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ

Эммануэль фон Шак — координатор программ доступности Национального мемориала и музея 11 сентября (Нью-Йорк)

Музеи и другие учреждения культуры служат вместилищем знаний и культурного наследия и могут поделиться этими знаниями с миллионами людей. Музеи — уникальные пространства, вплетенные в ткань социума, — играют огромную роль в общественных и образовательных процессах. Поэтому чрезвычайно важно обеспечить доступ в культурные институции всем людям, независимо от их происхождения, уровня образования и способностей.

Национальный мемориал и музей 11 сентября с момента открытия (15 мая 2014 года) посетило более 10 миллионов человек, что подчеркивает его значимость и неповторимость как институции. Музей 11 сентября сочетает в себе качества трех пространств:

- Это мемориал, открытый для посетителей, желающих почтить память 2983 человек, погибших во время террористической атаки на Всемирный торговый центр (ВТЦ)
- Это площадка археологических раскопок, поскольку Музей 11 сентября расположен на территории ВТЦ, в окружении частично сохранившихся останков оригинального здания.
- Это музей и одна из ведущих исследовательских институций, занимающихся изучением событий 11 сентября 2001 года. Через выставочные и образовательные программы мы делаем результаты проведенных исследований публичными.

На нас возложена огромная ответственность перед обществом, родными и близкими жертв террористической атаки на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 года, а также перед выжившими и свидетелями катастрофы. Именно по этой причине мы стремимся предоставить всем людям равные возможности почтить

память почти 3000 человек — жертв 9/11. Работа отдела доступности Мемориала 9/11 связана с обеспечением условий инклюзии: среди прочего мы разрабатываем специализированные программы и проводим тренинги, что требует комплексного подхода. Желая разделить обязательства по обеспечению доступности музея, наш отдел вовлекает в рабочий процесс каждый департамент — от сотрудников, ответственных за прием посетителей, до менеджмента музея.

Мемориал 9/11 предлагает целый ряд программ для глухих и слабослышащих людей, которые сами причисляют себя к сообществу носителей американского жестового языка (АЖЯ) — как для тех, кто пришел в наш музей впервые, так и для постоянных посетителей. По запросу мы организуем профессиональный перевод любых экскурсионных и образовательных программ на АЖЯ, а также перевод «в руку» для слепоглухих посетителей. Заявки на перевод поступают в том числе от посетителей из других стран. В этом случае мы стараемся подобрать переводчика, свободно владеющего их родным языком (например, британским жестовым, немецким жестовым и т. п.), а если это невозможно, предоставляем переводчика на международные жесты (International Sign, IS). Глухим или слабослышащим людям, предпочитающим текстовые субтитры, мы предоставляем услугу субтитров в режиме реального времени CART (Communication Access Real-Time Translation).

Мы также работаем над тем, чтобы глухие или слабослышащие люди могли самостоятельно провести время в музее. Так, аудиогид Мемориала 9/11 включает в себя несколько экскурсионных туров для индивидуального посещения, в том числе экскурсию на АЖЯ; к аудиогидам прилагается письменная расшифровка.

Аудиоматериалы — важный компонент, формирующий зрительский опыт в пространстве музея. Наш отдел также ответственен за то, чтобы все имеющиеся в музее звуковые материалы для глухих и слабослышащих посетителей дублировались в текстовой форме или могли быть прослушаны индивидуально с помощью наушников теми посетителями, которые используют слуховые аппараты. В соответствии с общепринятым в музее стандартом работы, все видео со звуком имеют субтитры, а аудиоматериалы без видео в экспозиции имеют расшифровку текста, расположенную рядом на карточке, проекции или мониторе с соответствующим текстом. Закон о доступности учреждений культуры людям с инвалидностью, действующий на данный момент в Америке (American with Disabilities Act, ADA), требует, чтобы организация предоставляла

индукционные петли в общих зонах — там, где звуковая информация является неотъемлемой частью самого пространства. Согласно закону, количество подобных устройств должно соответствовать числу предусмотренных посадочных мест. Мемориал 9/11 пошел намного дальше минимальных правовых требований, разместив индукционные петли на протяжении всего здания, что гарантирует доступ к звуковым медиа посетителям со слуховыми аппаратами, а также посетителям с кохлеарной имплантацией практически во всех пространствах музея.

Мы понимаем, что вышеперечисленные услуги для глухих и слабослышащих людей не могли бы работать в полном объеме, если бы обслуживающий персонал музея, сотрудники входной и информационной зон не владели знанием о наличии подобных сервисов и устройств, не имели бы навыков их использования. Чтобы гарантировать глухим и слабослышащим посетителям положительный опыт посещения Мемориал 9/11, наш отдел регулярно проводит тренинги по пониманию инвалидности для сотрудников, работающих с посетителями. Задачей таких тренингов является повышение информированности персонала о постоянно развивающихся возможностях, связанных с посещением музея, а также об этикете взаимодействия с людьми с различными формами инвалидности. Рост осведомленности в вопросах доступности и инклюзии помогает персоналу различных отделов не упускать вопрос доступности из вида.

Например, выставочный отдел следит за тем, чтобы архитектурное решение музейного пространства было максимально инклюзивным, привлекая отдел доступности к оценке выставочного дизайна. Сотрудничая с образовательным отделом, мы проверяем, насколько текущие образовательные программы и условия их проведения позволяют глухим и слабослышащим посетителям полноправно участвовать в музейном событии.

Чтобы сделать события музея инклюзивными по отношению к носителям АЖЯ, мы по умолчанию сопровождаем все значительные мероприятия переводом на АЖЯ. Такой предупредительный подход позволяет носителям АЖЯ, желающим посетить мероприятие, но не составившим заявку на услугу переводчика, по-прежнему в полной мере участвовать в событии. К большинству наших мероприятий такого формата — например, к ежегодному Пятикилометровому забегу и Дню памяти 11 сентября — глухие посетители, пришедшие в музей без записи, все равно смогли присоединиться. К примеру, в прошедшем недавно Пятикилометровом

забеге участвовало шесть глухих человек, которые признались, что были приятно удивлены, узнав о наличии переводчика на АЖЯ. Одним из важных результатов такого предупредительного подхода стал День памяти, приуроченный к 15-й годовщине 9/11, в котором приняли участие глухие родители одной из жертв 11 сентября 2001 года. Они не запрашивали перевод на АЖЯ заранее и были очень благодарны за то, что смогли услышать таким образом имя своего сына во время церемонии поминания жертв теракта.

Музей не только обеспечивает доступ к своим ресурсам, программам, мероприятиям и к самим выставочным пространствам, но и поддерживает контакт с представителями сообщества глухих, создавая регулярные программы и специальные мероприятия.

Накануне 15-й годовщины 11 сентября 2001 года мы решили, что пространство нашего музея вновь превратится в место, где жители и гости Нью-Йорка смогут собраться ради коллективного жеста примирения и поминовения погибших. Террористические атаки 11 сентября 2001 года оставили глубокий след в сердцах жителей Нью-Йорка, и представители сообщества АЖЯ, живущие в этом городе, не исключение. Однако удивительно, что за 15 лет, прошедших с момента трагедии, не было проведено ни одного мероприятия, в рамках которого представители сообщества получили бы возможность собраться вместе и почтить память жертв. Мы поняли, что Музей и мемориал 11 сентября может стать таким местом. Поскольку в сентябре по всему миру проходит Месяц осведомленности о глухоте, мы решили подготовить специальную программу, которая была бы посвящена годовщине 9/11 и затрагивала бы тему осведомленности о глухоте.

Наша инициатива обернулась публичной программой ASL SLAM, куратором которой выступил основатель этого проекта Дуглас Ридлофф. Организация ASL SLAM, основанная в Нью-Йорке, — всемирно признанная организация, занимающаяся сохранением, распространением и продвижением АЖЯ в области визуального искусства, литературы, музыки и поэзии. Наша совместная публичная программа, в рамках которой прошел перформанс, вдохновленный музейными коллекциями и выставкой «Осмысливая немислимое. Ответ художников на события 9/11» (Rendering the Unthinkable: Artists Respond to 9/11), состоялась 23 сентября 2016 года. В мероприятии участвовало более 250 глухих — как из Нью-Йорка, так и из других штатов и даже стран — на тот момент абсолютный рекорд по посещаемости публичных событий любого рода. Для большинства пришедших это был первый визит в Музей 9/11,

но что еще важнее, представители сообщества АЖЯ получили возможность собраться вместе, чтобы поделиться друг с другом личным и коллективным опытом. После этого нам поступили просьбы провести еще одну программу ASL SLAM, подготовкой которой мы сейчас занимаемся. Мы разместили видео отдельных эпизодов перформанса в пространстве выставки «Осмысливая немыслимое» и на сайте музея, таким образом сделав некоторые его части доступными всем желающим, а не только носителями АЖЯ.

На регулярной основе мы предлагаем экскурсии, которые проводят исключительно на АЖЯ глухие экскурсоводы. Такие программы приносят огромную пользу сообществу, обеспечивая его представителям возможность прямой языковой коммуникации и доступ к информации на жестовом языке. Подобные экскурсии — также отличный формат для взаимодействия и взаимообучения различных сообществ. Не менее важно и то, что они гарантируют общий, разделяемый всеми участниками опыт понимания произведений культуры в едином для экскурсовода и посетителя пространстве. Более того, увеличение в профессиональной музейной среде количества глухих сотрудников — носителей АЖЯ служит положительным примером для других глухих и слабослышащих людей и помогает устранить социальные барьеры и предрассудки, демонстрируя позитивное влияние таких сотрудников на музей и его посетителей.

Иницилируемые нами проекты увеличивают посещаемость музея людьми с различными формами инвалидности и с разным культурным опытом, в том числе глухими и слабослышащими.

Мы считаем, что между увеличением количества программ, адаптированных для людей с разными формами инвалидности, и количеством посетителей с инвалидностью имеется прямая зависимость. В сущности, чем больше возможностей мы создаем для посещения, повышая уровень инклюзии и доступности различных программ, тем больше посетителей с инвалидностью придет в музей.

В сообществе глухих главной причиной увеличения посещаемости, однако, является не столько создание комфортных условий для глухих и слабослышащих людей, сколько специальные программы и связанные с ними возможности, адресованные людям, говорящим на АЖЯ. Именно в этом заключается послание Мемориала 9/11: мы не просто делаем музей доступнее — мы хотим видеть глухих и слабослышащих людей среди своих посетителей и среди участников любых иницилируемых нами событий.

БЛОК 4.

КОНСТРУИРУЯ

ОПЫТ

СОЗДАНИЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ ПОЗДНООГЛОХШИХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ И УЧАСТНИКОВ СООБЩЕСТВА ГЛУХИХ, ГОВОРЯЩИХ НА АМЕРИКАНСКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ: НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНА О ДОСТУПНОСТИ

Эммануэль фон Шак — координатор программ доступности Национального мемориала и музея 11 сентября (Нью-Йорк)

В соответствии с Americans with Disabilities Act — главным действующим законом о доступности учреждений культуры в США организации обязаны сделать свои помещения доступными для людей с разными формами инвалидности. Национальный музей и мемориал 11 сентября следует букве закона, но часто превышает минимальные правовые нормы, стремясь уловить именно дух закона и превратить музей в гостеприимное, открытое и инклюзивное пространство. Мы предоставляем глухим и слабослышащим:

- переводчиков АЖЯ, сопровождающих экскурсионные туры, публичные программы и мероприятия для сообществ;
- субтитры в режиме реального времени на мероприятиях публичной программы;
- субтитры, тексты, транскрипции для всех мультимедийных инсталляций с использованием видео и аудио.
- индукционные петли, доступные во всех помещениях музея, где есть аудиоматериалы, включая выставочные пространства, лекторий и классные комнаты;
- аудиогиды с транскрипцией (письменной расшифровкой) и видеогиды на АЖЯ.

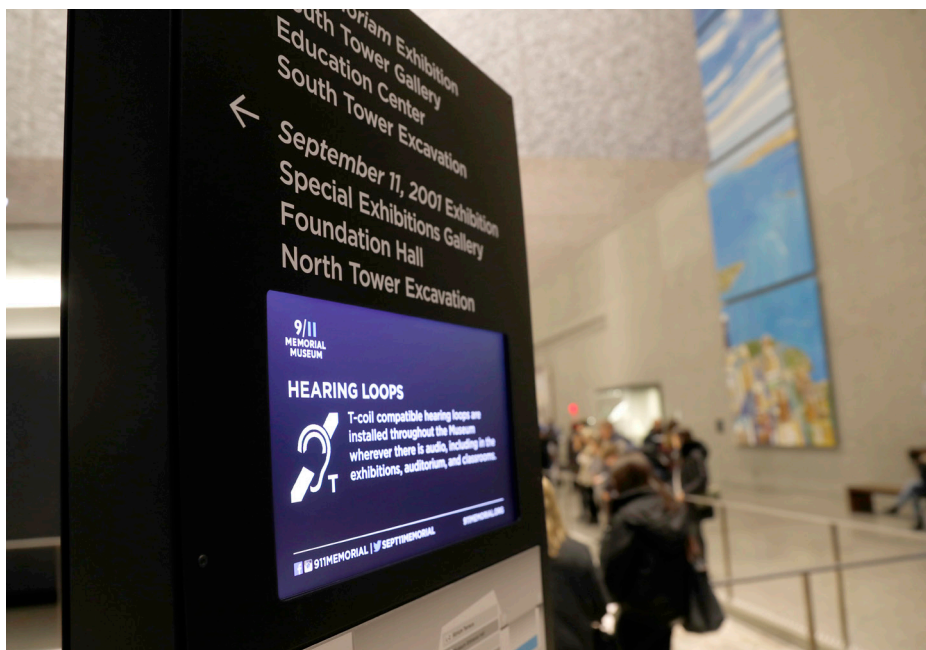
Звуковые материалы очень важны для приобретения полноценного опыта в музее. Например, выставка «Мы помним» (We Remember) представляет собой мультимедийную звуковую среду, в которой один поверх другого наложены голоса людей из разных стран мира,

вспоминающих о том, где они находились, когда впервые услышали новость о террористических атаках 9/11. Всего было представлено более 7000 записей как минимум на 15 различных языках. Чтобы содержание выставки было доступно глухим и слабослышащим, мы повесили шесть табло с теми же текстами, что звучат в аудио-формате.

Важную роль в продвижении инклюзивных программ Мемориала 9/11 играет наш сайт. Для людей с инвалидностью мы создали раздел «Доступность» (Accessibility), ссылка на который расположена прямо под кнопкой «Посещение» (Visit). В этом разделе размещена исчерпывающая информация об услугах и возможностях, связанных с темой доступности, что позволяет сделать предстоящий визит в музей максимально комфортным.

Для информирования гостей о специальных услугах мы также используем установленные по всему зданию музея экраны. Эти экраны служат указателями и содержат международные символы доступности.

На иллюстрациях ниже представлены символы, которые мы используем для глухих и слабослышащих посетителей и носителей АЖЯ.

Один из экранов-указателей, установленных в музее. Фото: Национальный музей и мемориал 11 сентября

Рассмотрим подробнее некоторые из способов обеспечения инклюзии в Мемориале 9/11.

Индукционные петли

Поддерживающие систему T-coil индукционные петли имеются во всех помещениях музея, где есть аудиоматериалы, включая выставочные пространства, лекторий и классные комнаты.

HEARING LOOPS

T-coil compatible hearing loops are installed throughout the Museum wherever there is audio, including in the exhibitions, auditorium, and classrooms.

  911MEMORIAL | SEPT11MEMORIAL

911MEMORIAL.ORG

Фото: Национальный музей и мемориал 11 сентября

Музейный аудиогид

Озвученный Робертом де Ниро, этот аудиогид для самостоятельного посещения предлагает три варианта экскурсий. Получить карманное устройство с аудиогидом можно у сотрудников музея.

Экскурсии

Посетителей, желающих присоединиться к одной из экскурсионных программ музея, мы информируем посредством соответствующего символа о том, что туры доступны людям со слуховыми аппаратами или кохлеарными имплантами. Экскурсии проводятся ежедневно, и всем участникам выдаются наушники — чтобы голос гида звучал более четко в шумном и людном пространстве музея.

Доступность, инклюзия — неотъемлемая часть институционального мышления. Мемориал 9/11 неизменно стремится к тому, чтобы гарантировать всем зрителям осмысленное и полноценное

9/11 MUSEUM AUDIO GUIDE

Narrated by Robert De Niro, this self-guided experience offers three themed tours.

See an associate to rent a handheld.

Produced by Acoustiguide

  911MEMORIAL | **SEPT11MEMORIAL**

911MEMORIAL.ORG

Фото: Национальный музей и мемориал 11 сентября

посещение. Важной составляющей работы по обеспечению именно тех услуг и удобств, что требуются людям, является обратная связь — комментарии и предложения самих посетителей. Мы постоянно работаем с мнением аудитории и, откликаясь на пожелания зрителя, разрабатываем и внедряем новые программы, демонстрируя готовность музея наилучшим образом встречать в своих стенах каждого человека.

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ ЭКСКУРСИЙ И МЕРОПРИЯТИЙ ДЛЯ ГЛУХИХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ В ГАЛЕРЕЯХ ТЕЙТ МОДЕРН И ТЕЙТ БРИТАН

Маркус Дики Хорли —
куратор публичных программ Тейт
Модерн и Тейт Британ (Лондон)

Куратор публичных программ работает в команде образовательного отдела — с группой кураторов, разрабатывающих и организующих мероприятия для различных категорий посетителей, в том числе для сообщества глухих, для посетителей с инвалидностью. Я возглавляю консультативную группу Тейт по вопросам доступности, являюсь лидером по обеспечению социального многообразия (Diversity Champion) и преподаю курс «Понимание инвалидности» (Disability Awareness) в Тейт и за рубежом. Я работаю на полставки, два с половиной рабочих дня в неделю, но при поддержке ассистента куратора, который помогает мне три дня в неделю. В галереях Тейт Британ, Тейт Модерн и в новом корпусе Тейт Модерн — Blavatnik Building реализуются программы для самой разной публики. В год в Тейт приходит примерно 7,5 миллионов людей. Также я консультирую два филиала Тейт — Тейт Сент-Айвс и Тейт Ливерпуль.

С начала 2000-х Тейт Модерн организует события для глухих посетителей, чей первый или предпочтительный язык — британский жестовый (БЖЯ). Практика БЖЯ в пространстве галереи всегда была важна для нас. Мы во многом ответственны за развитие языка и породили интерес к мероприятиям на БЖЯ среди глухих, слабослышащих и слышащих посетителей.

После открытия Тейт Модерн в мае 2000 года команда образовательного отдела сформулировала философию своей деятельности: мы хотели работать с разной аудиторией и в разных форматах. Проблема доступности и разработка программ для посетителей с инвалидностью и глухих в те времена курировалась небольшим отделом, состоящим из одного работающего на полставки куратора по доступности и спецпроектам. Он первым обозначил интерес к проведению экскурсий на БЖЯ по постоянным экспозициям и временным выставкам Тейт Модерн. В первые несколько лет эти экскурсии проходили нерегулярно, их вели слышащие гиды при участии переводчиков устного английского языка на БЖЯ;

в экскурсионной группе могло быть до 20 человек. Несмотря на это, формат вызвал заметный резонанс среди участников. Участники экскурсий активно предлагали идеи по улучшению и адаптации экскурсионной программы, и это принесло свои плоды: было решено проводить экскурсии для глухих самими глухими, что было довольно радикальной инициативой. В то время в большинстве крупных лондонских музеев и галерей самым распространенным способом коммуникации со зрителем оставались экскурсии опытных сотрудников с серьезным академическим бэкграундом. Академическое содержание было первично, а стиль подачи материала соответствовал давно сложившейся модели, согласно которой группа слушателей молча следует за экспертом, осматривая экспонаты и принимая к сведению информацию о них. В конце можно было задать вопрос, но также следуя строго очерченному регламенту. Проблема мероприятий такого формата заключается в том, что они не совсем учитывают особенности культуры глухих и не предполагают более непринужденного процесса обучения, предпочитаемого многими глухими людьми.

Изучение мнения аудитории Тейт, работа с глухим сообществом, а также ознакомление с научными исследованиями, посвященными культуре глухих, позволили выявить ключевые элементы, на которые должны были опираться наши программы для глухих и слабослышащих:

- Британский жестовый язык оказался наиболее предпочтительным языком общения. В Британии около 20 000 человек, использующих БЖЯ. Большинство глухих и слабослышащих жителей страны комбинирует различные способы коммуникации, такие как чтение по губам, использование слуховых аппаратов, письменный язык, субтитры, или просто «как-то выкручивается». Однако БЖЯ, особенно в Лондоне, для многих носителей является связующим звеном, благодаря которому они осознают себя частью единого сообщества и чувствуют родство друг с другом. Многие глухие люди воспринимают посещение мероприятия, организованного музеем или галереей, как событие с социальным и образовательным потенциалом.
- Глухие часто приходят заранее и встречаются в кафе; приходят вместе с родными и друзьями; задерживаются в музее по окончании экскурсий, чтобы продолжить обсуждение; а в завершение вечера идут в местный бар на вечеринку, которую принято называть «Ночь глухих в пабе» (Deaf pub night).

- Систематичность, регулярность программ — важнейший фактор для привлечения и поддержания интереса у новой аудитории. Если события на БЖЯ носят разовый, бессистемный характер, потенциальная целевая аудитория будет сбита с толку, не понимая, когда ожидать очередного мероприятия. Мы достигли большого успеха, проводя наши события в одно и то же время: в Тейт Модерн — каждую первую пятницу месяца, в 19:00, а в Тейт Британ — каждую третью субботу месяца, в утренние часы. Придерживаясь четкого и неизменного расписания, мы гарантировали глухим посетителям возможность встретить в галерее представителей сообщества.

Как уже отмечалось, глухие и слабослышащие посетители также хотели, чтобы некоторые мероприятия изначально проводились на БЖЯ. Опрашивая коллег, мы столкнулись с очень разным отношением к идее допуска людей из неакадемической среды к ведению экскурсий: от абсолютной убежденности в необходимости строго научного подхода до опасений за репутацию музея, если к экскурсиям будет допущен «неквалифицированный» персонал. В результате мы предложили лондонскому образовательному центру для взрослых City Lit, в программе которого уже имелся курс Deaf Studies (посвященный сообществу глухих), разработать совместно с Тейт новый учебный курс «Жесты искусства» (Art Signs), систему оценки и присуждения квалификации для которого должны были подготовить специалисты City Lit. Программа курса состояла из трех частей: самостоятельный поиск и критический пересмотр информации, выразительность жестовой речи и развитие языка и создание словаря терминов искусства на БЖЯ. Первый подобный курс был реализован в 2005 году. Выпускники курса — восемь глухих человек составили костяк команды глухих гидов, которые стали проводить экскурсии на БЖЯ в Тейт.

Галерея поставила задачу проводить 12 экскурсий на БЖЯ каждый год. Мы старались распределять экскурсии так, чтобы каждый год половину экскурсий проводили глухие гиды, прошедшие тренинг «Жесты искусства», а остальные — слышащие гиды, работающие в паре с переводчиком БЖЯ. Судя по отзывам, привычные экскурсии на словесном английском были популярны среди посетителей, только если гид имел представление о сообществе глухих или был заранее выбран группой по какой-то причине (например, потому что был куратором выставки или другим экспертом в области, освещаемой во время тура).

Тем временем наша аудитория стремительно увеличивалась. Настал момент, когда экскурсии на БЖЯ начали собирать до 80 слушателей,

но больше всего запомнился эпизод, когда на одну экскурсию пришло 120 человек. Однако, несмотря на впечатляющую статистику, демонстрирующую успех программы, рост числа посетителей вызвал определенные логистические трудности. Кроме того, первоначальная команда из восьми гидов стала сокращаться: люди хотели идти дальше, кто-то переезжал из Лондона и больше не мог оставаться в программе даже на непостоянной основе. В 2006 году мы поняли, что пора набирать дополнительных экскурсоводов. Мы решили отталкиваться от собственных исследований и опыта и попытаться разработать курс, который бы в первую очередь основывался на наших ожиданиях и представлениях о том, какие навыки необходимы гиду, проводившему экскурсии на БЖЯ. Мы подали заявку и получили грант на создание курса, который назвали «Искусство в жестах» (Signing Art).

Курс «Искусство в жестах» позволил глухим участникам наших экскурсионных программ стать профессиональными экскурсоводами. Набор слушателей начался со дня открытых дверей, в ходе которого уже сотрудничавшие с нами глухие экскурсоводы рассказали, какие качества отличают хорошую экскурсию на жестовом языке. И хотя день открытых дверей посетило 50 человек, получив более внятное представление о требуемом уровне ответственности и профессионализма, заявку на курс подали только 15. Остальные, поначалу впечатлившиеся легкостью, с которой наши гиды ежемесячно проводят туры на БЖЯ, отказались от идеи стать экскурсоводами, поскольку поняли, как много труда стоит за каждой экскурсией.

Собеседования для кандидатов проводила комиссия глухих экскурсоводов Тейт при участии глухого эксперта-лингвиста из City Lit, который оценивал уровень владения и понимания БЖЯ.

Курс «Искусство в жестах» — четырехмесячный, его участники овладевают следующими умениями:

- поиск и критический пересмотр информации;
- повышение уровня владения и выразительности БЖЯ;
- умение поддерживать интерес и вовлеченность аудитории;
- повышение самодисциплины, продвижение и возможность самостоятельного поиска работы.

Мы проводили не только очные занятия, также были созданы видеокурс и онлайн-словарь терминов искусства на БЖЯ, разработан

«Проект в коробке» (Project in A Box) — подборка материалов, которые позволяют другим музеям и галереям использовать наш опыт. В тренинге приняло участие десять человек, удивительно разных с точки зрения квалификации и опыта: среди участников были архитектор, хореограф, бухгалтер, химик, несколько практикующих художников, а также люди, увлекающиеся историей и политикой. Мы понимали, что у таких разных людей и экскурсии будут разными, однако это не испугало нас, а напротив позволило запустить еще один формат мероприятий — «Расслабленное действие» (Relaxed Performance).

Как уже отмечалось ранее, глухие склонны к довольно раскрепощенному поведению во время экскурсий: зачастую люди переговариваются между собой, не всегда внимательно слушают гида или даже покидают группу на некоторое время, чтобы в одиночку побродить по залам. По сути, глухие принимают участие в экскурсии лишь в той степени, в какой им самим комфортно. Один или два наших глухих экскурсовода сочли подобное поведение отвлекающим и даже грубым. Зачем, спрашивали они, человек пришел на экскурсию, если он не планировал целиком и полностью внимать тому, что я говорю? Мы разобрали этот вопрос и пришли к выводу, что, возможно, следует немного спокойнее относиться к таким реакциям, нужно принять тот факт, что не всем людям близок строгий «академический» формат экскурсий. Сегодня все больше людей предпочитает непринужденные подходы в образовании — наподобие тех, что мы используем в «Расслабленном действии».

В филиалах Тейт, с которыми мы работаем, применяются два разных варианта сотрудничества с переводчиками. В Тейт Модерн экскурсии проводятся на БЖЯ без перевода на словесный английский — подразумевается, что публика владеет БЖЯ на достаточном уровне. В Тейт Британ мы предоставляем переводчика для обратного перевода на словесный английский. Применение двух подходов связано с причинами логистического характера и проблемой управления потоками посетителей. Такая площадка, как Тейт Модерн, заметили мы, легко собирает группу численностью более 50 человек. А предоставь мы, помимо гида на БЖЯ, еще и переводчика на английский, группа увеличилась бы вдвое за счет слышащих зрителей. В Тейт Британ наши группы обычно меньше, около 20 человек (даже при наличии переводчика для слышащих людей). Каждая из описанных стратегий имеет свои минусы и плюсы. Если мы станем проводить экскурсии только на БЖЯ, мы рискуем потерять глухих людей, не владеющих БЖЯ. Если же наши мероприятия

будут проходить на БЖЯ с переводом на английский, к ним смогут присоединяться слабослышащие посетители, использующие портативные индукционные петли и слуховые аппараты. Экскурсии с переводчиком также пользуются популярностью у слышащих зрителей, например, среди тех, кто изучает жестовый язык и кому нужна практика БЖЯ.

Довольно часто эффективность образовательного события прямо пропорциональна посещаемости. Однако в случае инклюзивных мероприятий, в том числе адресованных посетителям с разными формами инвалидности, успех измеряется по другим критериям — таким как качество программы, объем порождаемых ею обсуждений, повторными визитами и положительными отзывами. Производя оценку, мы избегаем письменных методов и комментариев, так как для многих глухих людей письменная речь не является предпочтительным способом коммуникации. Взамен мы придумали позицию модератора, встречающего и сопровождающего группу и работающего в тесной связи с куратором образовательного отдела. Модератор выполняет сопроводительную роль: например, расставляет указатели или стулья, копирует и раздает бумажные пособия, приветствует группу, направляет по маршруту так, чтобы группа не блокировала дверные проемы и переходы между выставочными залами, провожает группу. Модератор приветствует каждого участника, объясняет темы, которые охватывает предстоящая экскурсия, указывает ее временные рамки, напоминает о том, что в ходе экскурсии можно и нужно задавать вопросы, убеждается, что доступ каждого участника обеспечен в полном объеме. В конце модератор обозначает тему следующей экскурсии и остается с группой для последующего обсуждения полученных участниками знаний, узнает их мнение об экскурсии. Затем он упорядочивает данные — отбирая наиболее ценные комментарии, касающиеся качества и содержания экскурсии, ясности и внятности подачи материала, а иногда и пожелания относительно тем, которые хотелось бы затронуть в рамках следующих экскурсий, — и направляет эту информацию куратору.

Кроме того, несколько раз в год мы проводим специальные мероприятия. В начале года проходит вечер для всей команды глухих экскурсоводов, где куратор программы представляет расписание экскурсий на предстоящий год и предлагает гидам выбрать наиболее интересные для них проекты. Такие вечера — отличная возможность обсудить роль и функции экскурсовода и модератора, формы командной работы, которые вдохновят каждого из нас на лучший результат.

Другое наше мероприятие адресовано нашим переводчикам. Куратор также представляет программу экскурсий и предлагает переводчикам выбрать те туры, на которых им будет интересно работать. Кроме того, мы обсуждаем терминологию и жесты, которые наиболее удачно передают значение сложных узкоспециальных элементов жестового языка, используемых экскурсоводами.

Еще одно мероприятие посвящено нашей целевой аудитории — сообществу глухих. Мы собираемся в одном из залов Тейт Модерн: в этот день наши посетители могут обсудить экскурсионную программу Тейт на БЖЯ с ее куратором и другими участниками. Для нас это прекрасная возможность получить дополнительную обратную связь с оценками и комментариями.

Еще один вид организуемых нами событий адресован кураторам по обеспечению доступности из других лондонских музеев и галерей, где также проводятся экскурсии на БЖЯ. Это встреча профессионалов в области музейного дела, объединенных общим интересом, повод собраться вместе и поговорить о ближайших планах, поделиться опытом.

«МУЗЕЙ В ЖЕСТАХ»: ОБУЧЕНИЕ ГЛУХИХ ГИДОВ И МУЗЕЙНЫХ СОТРУДНИКОВ В НИДЕРЛАНДАХ

Мартина и Рос Ваттел — основательницы компании Wat Telt!, консультанты по вопросам доступной среды в области культуры и искусства, инициаторы и авторы программы «Музей в жестах» (Амстердам)

Введение

«Музей в жестах» — совместный проект амстердамского Музея фотографии Foam и компании Wat Telt!, основанной нами, двумя глухими сестрами, Мартиной и Рос Ваттел. История проекта берет начало в 2007 году с экскурсий на жестовом языке в музее Foam. Потеряв слух, мать директора образовательных программ музея столкнулась с неприспособленностью музеев к особенностям глухих и слабослышащих зрителей. Ей захотелось, чтобы Foam стал доступен посетителям, для которых родной язык — голландский жестовый. С этой целью она принялась обучать трех глухих людей, в том числе Мартину Ваттел профессии музейного экскурсовода для последующей работы в Foam. Мартина шесть лет проработала в музее в качестве глухого экскурсовода и за это время приобрела богатый опыт. Однако разработка идеальной экскурсии для глухих все равно давалась нелегко — из-за общепринятых принципов обучения слышащих музейных гидов. Эти принципы подразумевают знакомство гидов с навыками и методиками ведения экскурсий, но они не учитывают, что работа с группой глухих посетителей не ограничена чисто техническими навыками. Экскурсовод должен понимать особенности ощущения глухих в музее, знать их бэкграунд, потребности, а также осознавать разнообразие внутри самого сообщества глухих. Проведение экскурсии для глухой группы требует высокого уровня гибкости, умения подстраиваться и искать новые, неординарные способы подачи информации. Экскурсовод должен не только уметь искать информацию, ему также необходимо перевести эту информацию с одного языка (письменного голландского) на другой (голландский жестовый). Проработав шесть лет в музее Foam и еще год в Государственном музее (Рейксмюсеуме), Мартина сменила сферу деятельности. Однако Foam не удалось найти равноценную замену: глухие экскурсоводы приходили и вскоре покидали музей из-за большой нагрузки. Быстро научиться вести экскурсии, которые были бы максимально доступны глухим и слабослышащим посетителям, не получалось, и в результате количество глухих посетителей музея постепенно сократилось.

В 2014 году мы решили организовать Wat Telt!. Наша компания предлагает консультации по вопросам доступности и обучающие программы — как для организаций слышащих людей, так и для сообществ глухих или слабослышащих. Проработав в нескольких организациях для слышащих и глухих людей, Рос пришла к выводу, что зазор между этими группами до сих пор существует. Этот зазор носит в основном культурный и коммуникативный характер: слышащие организации все еще воспринимают глухих в медицинском ключе, в то время как сами глухие относят себя к культурным и языковым меньшинствам. Именно поэтому главной задачей Wat Telt! стало создание прочных связей между сообществами глухих и слышащих посредством повышения информированности о специфике каждого из сообществ.

В 2014 году Рос проводила для Музея Ван Гога исследование, посвященное потребностям глухих и слабослышащих посетителей музея. Как выяснилось глухие посетители не чувствуют себя «как дома», находясь в музее для слышащих. Музей можно сделать более доступным — но что если целевая группа не слишком любит посещать ваш доступный музей? Это навело на мысль о необходимости перемен. Глухим людям комфортно там, где представлены культура глухих и их родной язык — жестовый. Привнести кусочек «глухой» культуры в «слышащий» музей кажется проблематичным, однако присутствие в музее глухого экскурсовода решает эту проблему. Представляя глухое сообщество и культуру, глухой экскурсовод полностью осведомлен о жизненных реалиях таких же, как и он, глухих посетителей и потому способен адаптировать экскурсию под них. Мартина знала, что общепринятые программы обучения музейных сотрудников не обеспечивают глухих гидов достаточным уровнем подготовки для полноценной работы. В то же время музеи хотели открыть свои пространства для глухих и слабослышащих зрителей, но зачастую не понимали, как это сделать. Ратификация в 2016 году в Голландии Конвенции ООН о правах инвалидов обострила проблему доступности в сфере искусства и культуры. Комитет по правам людей с инвалидностью обсуждал названные выше проблемы с музеем Foam, и в итоге было принято решение о совместном создании программы, которая получила название «Музей в жестах». Мы получили финансовую поддержку от различных фондов, и проект стартовал в январе 2015 года.

Разработка программы «Музей в жестах»

Для начала мы разработали курс для глухих музейных гидов. В основу программы легли три элемента: личный опыт Мартины как глухой сотрудницы музея; особые потребности глухих

и слабослышащих посетителей; методики ведения экскурсий (за эту часть был ответственен Foam). Мы понимали, что научить всему в короткие сроки невозможно, что дальнейшее обучение будет зависеть от конкретного музея, в который попадет участник программы. Именно поэтому мы хотели сосредоточиться на базовых навыках гида и главной составляющей работы глухого экскурсовода — подготовке экскурсии на жестовом языке.

Как провести экскурсию на жестовом языке? Как правильно подать материал? Качество экскурсии на жестовом языке целиком и полностью зависит от уровня визуальной презентации и коммуникативных навыков музейного сотрудника. Глухие посетители во многом опираются на визуальное восприятие и требовательны к мастерству изложения истории. Как соединить искусное повествование с демонстрацией произведений и их обсуждением в пространстве музея?

Сотрудничество с Foam оказалось крайне важным и продуктивным для обеих сторон. Благодаря Foam в программе приняли участие девять музеев вместо ожидаемых четырех. В свою очередь, Wat Telt! распространил информацию о наборе гидов для последующего обучения в сообществе глухих (в итоге было отобрано пятнадцать человек).

Процесс обучения

Подготовка заняла шесть полных дней: три дня теории и три дня практики. В рамках программы мы обсуждали возможность сотрудничества со «слышащими» музеями. Мы рассматривали отдельные явления культуры слышащих, чтобы понять, насколько важно друг друга анализировать и — в хорошем смысле — оценивать. Сообщество глухих обладает четкой культурной и языковой идентичностью, в которой, однако, есть «белые пятна»: на протяжении всей жизни глухие из-за информационных барьеров упускают массу вещей, связанных с окружающим их обществом. Это значит, что социальные навыки глухих могут быть развиты не так хорошо, как у слышащих. С нашей точки зрения, это основная причина сложностей в общении глухих и слышащих. Поэтому в своей программе мы использовали стратегии коучинга и индивидуального развития, которые стимулировали осознанность и повысили уровень рефлексии участников программы.

Главная часть курса была посвящена непосредственно разработке экскурсии и навыкам повествования на жестовом языке. Одно из преимуществ жестового языка — его трехмерность. С помощью рук можно очень точно выразить то, что мы видим, а с помощью

языка тела и мимики — рассказать стоящую за произведением историю. Взаимодействуя с аудиторией, можно выбирать те или иные инструменты для совместного изучения искусства. Группы глухих и слабослышащих очень различны, поэтому работающий с ними экскурсовод должен учитывать лингвистические и культурные особенности конкретной группы. Что делать, если тебе досталась группа людей с очень разным уровнем понимания и коммуникативных навыков? Кто-то использует строго жестовый язык, другие говорят на устном голландском, подкрепляя слова жестами, есть и совсем вербально-ориентированные зрители. Одни хорошо разбираются в истории и искусстве, другие — нет. Однако целью любой экскурсии является опыт совместного восприятия искусства и в этот момент становится совершенно неважно, глухой вы, слабослышащий или слышащий человек. Каждый способен по-своему чувствовать и переживать художественные произведения. Внедряя в музеи экскурсионные туры с глухими гидами, мы хотим, чтобы глухие зрители чувствовали, что в музее им рады и ждут от них их собственного, самобытного восприятия и видения искусства.

Обучение сотрудников музея

Одновременно с обучением глухих экскурсоводов мы организовали двухдневный тренинг для сотрудников самих музеев. В него входили мастер-классы и лекции, посвященные культуре глухих, жестовому языку, истории глухих сообществ и их нынешнему положению. Это был краткий обзорный курс, но он давал музейным работникам некоторую базу, от которой они могли бы отталкиваться в дальнейшем. В программе было девять музеев-участников в Амстердаме: Государственный музей (Рейксмюсеум), Музей Ван Гога, Городской музей (Стеделейк мюсеум), Музей тропиков, Квартал еврейской культуры, Музей кино EYE, «Эрмитаж-Амстердам», музей «Новая церковь» (Ньиве Керк) и Музей фотографии Foam, по два-три сотрудника от каждого из музеев. В основном это были руководители и кураторы образовательных программ, а также сотрудники, координирующие работу экскурсоводов. Мы обсуждали проведение экскурсий на жестовом языке в этих музеях и практические нюансы реализации подобных туров. Нам не хотелось предлагать музеям готовую инструкцию — важна была именно совместная работа. Таким образом, ответственность за успешный результат проекта также становилась общей. Например, в результате обсуждения мы решили, что расписание должно быть составлено так, чтобы наши экскурсии не выпадали на одни и те же часы и дни, чтобы музеи не конкурировали между собой за глухих посетителей. Некоторые музеи, например Квартал еврейской культуры, EYE и «Новая церковь», выбрали для себя туры

только по специальному запросу и по случаю открытия выставок, другие же решили проводить подобные экскурсии раз в месяц. Мы поясняли, как наиболее эффективно сотрудничать с глухими экскурсоводами — точно так же мы поступали в ходе обучения самих гидов. Для обеих сторон важно помнить, что они представляют разные культурные и языковые группы, и ответственность в налаживании успешной коммуникации лежит на обеих. Мы обучали музейных сотрудников работе с переводчиками и тому, как наладить максимально эффективную коммуникацию между ними и слышащим музейным сотрудником. В случае возникновения каких-либо трудностей музеи-участники всегда могут задать любые вопросы по электронной почте. В этом и состоит наша деятельность: мы обеспечиваем музеям поддержку и предоставляем информацию для реализации программы в ее наилучшем виде. Как профессиональный представитель глухого сообщества, Wat Telt! предлагает «слышащим» музеям набор инструментов, необходимых для того, чтобы сделать их полностью доступными для глухих и слабослышащих посетителей.

Проведение экскурсий

По итогам программы, проведенной в июне 2016 года, 13 глухих гидов были распределены между девятью музеями, а некоторые из них — сразу в два музея. Вторая часть программы заключалась в том, что музейные сотрудники обучали экскурсоводов специфике работы в конкретном музее, описывая принятый там стиль и методы работы, а также рассказывая о музейных коллекциях. В сентябре 2016 года мы торжественно запустили программу и опубликовали пресс-релиз. В Музее фотографии Foam собралось более сотни профессионалов со всей страны. Весь месяц во всех девяти музеях проводились туры на жестовом языке. По данным сентября 2017 года, все наши выпускники до сих пор работают в этих музеях.

Летом 2016 года мы создали официальную страницу «Музей в жестях» на Facebook, поскольку именно в социальных сетях, а не на сайте, есть возможность реального взаимодействия с целевой аудиторией. Пока посещение музеев не стало общей практикой среди глухих и слабослышащих людей, распространение знания об искусстве и культуре в рамках сообщества глухих является важной частью проекта «Музей в жестях». Большинство глухих людей получило негативный опыт в музеях, которые были не приспособлены к их особенностям, поэтому визит в музей не кажется им такой уж заманчивой идеей. В соцсетях мы публикуем положительные статьи и полезные ссылки, стремясь увлечь и заинтересовать читателей. Мы рассказываем о деятельности всех девяти

музеев, работающих на жестовом языке, и выкладываем видео, также на жестовом языке, рассказывающие о том, что эти музеи предлагают глухим зрителям. Поначалу нас немного тревожило, что наладить контакт с глухим сообществом будет сложно, однако ответная реакция с самого начала была крайне положительной: программой все очень довольны.

Периодически мы узнаем об инициативах для глухих посетителей, предпринимаемых «слышащими» культурными организациями и предлагающими взамен прямой работы глухих гидов с глухими группами слышащего переводчика на жестовый язык. Однако в этих случаях языковой барьер между гидом и группой остается существенным. Для нас успех в огромной степени зависит от того, насколько очевиден равноценный вклад со стороны глухих и слышащих участников в проект — с целью стать ближе и понятнее друг другу.

Выход на национальный уровень

В 2016 году уровень интереса к программе со стороны глухого сообщества и музеев-участников был настолько высок, что мы получили многочисленные запросы от глухих людей с просьбой присоединиться к команде экскурсоводов. В 2017 году мы решили выйти на новый уровень. Выбрав тринадцать глухих студентов и семь музеев из других городов Голландии, мы расширили программу. В связи с выходом за пределы Амстердама организовать единый шестидневный семинар было невозможно из-за существенных транспортных расходов для всех участников. Поэтому мы провели онлайн-семинар, а для вопросов и совместного обсуждения завели закрытую группу на Facebook. Экскурсоводы готовили домашние задания, обратная связь осуществлялась посредством электронной почты и видеозвонков.

Стоит отметить, что мы расширили не только географию проекта, но и его содержание, добавив две новые части: тренинг для переводчиков и разработку словаря жестового языка для музеев. К сожалению, уровень подготовки музейных переводчиков жестового языка не всегда достаточно высок, поэтому во избежание недопонимания переводчикам следует проходить дополнительное обучение. Именно переводчики ответственны за полноценную и корректную коммуникацию между глухими гидами и музейными сотрудниками, а также слышащими посетителями. Музейный лексикон сложен, поэтому он должен быть существенно расширен новыми терминами и словами, обозначающими различные аспекты деятельности и пока не имеющими самостоятельного официально принятого жеста.

Будущее проекта «Музей в жестах»

Программа завершилась в мае 2018 года и была отмечена запуском проекта «Музей в жестах» на национальном уровне. В проекте приняли участие 16 музеев, предлагающих экскурсионные туры глухих гидов на жестовом языке. В дальнейшем мы продолжим работать с уже имеющимися гидами, повышая их квалификацию. Мы надеемся, что коллеги из других регионов поддержат нашу инициативу — будут стремиться сделать музеи доступнее, сотрудничать с глухими профессионалами в рамках проектов, направленных на воплощение в жизнь идеи инклюзии.

КУРС ПОДГОТОВКИ ГЛУХИХ ЭКСКУРСОВОДОВ: МУЗЕИ МОСКВЫ

Влад Колесников — сурдопедагог-дефектолог,
переводчик русского жестового языка

Мария Сарычева — культуролог, куратор

В 2015 году, после того как «Гараж» инициировал первые программы для глухих и слабослышащих посетителей Музея, к диалогу об увеличении доступности культуры и искусства для сообщества глухих присоединилось множество других музеев — как частных, так и государственных. Рост числа программ (и как следствие, увеличение их аудитории), появление множества инициатив (как в Москве, так и за ее пределами) навело нас на мысль о том, что, возможно, мы можем пойти еще дальше — и объединить усилия нескольких музеев.

Экскурсии на русском жестовом языке без посредничества переводчика (или же в некоторых случаях с обратным переводом на устный русский язык) казались на тот момент совершенно логичным шагом на пути демократизации музейного пространства и сокращения дистанции между слышащими и неслышащими посетителями. Разработанная нами программа подготовки глухих экскурсоводов уникальна: впервые в России экскурсии проводятся изначально на жестовом языке, глухими для глухих.

Прототипом для нашего курса выступила программа подготовки глухих экскурсоводов галереи Тейт в Лондоне. Однако поскольку мы решили вовлечь в процесс подготовки другие московские институции и в силу того, что уровень образования, доступного для глухих в Великобритании и в России, разнится, мы увеличили длительность программы подготовки до года (курс в Тейт был рассчитан на три месяца).

Одним из условий участия в программе была готовность институций нанять на работу и/или приглашать на постоянной основе к сотрудничеству участников курса. Такой подход позволил сделать программу модульной. Каждый из модулей проходил на базе конкретных московских институций, научные сотрудники которых читали лекции, а практические занятия проводились непосредственно в музейных залах. Однако мы понимали, что наш курс — это не образовательная программа: модуль на базе коллекции ни в коем случае не заменяет профильный курс по стандартам программы высшего

образования, но может стать базой для наработки дальнейших знаний. Так, в 2016 году был запущен курс подготовки 11 глухих экскурсоводов для Музея современного искусства «Гараж», Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Третьяковской галереи и Московского музея современного искусства (ММОМА). Косвенной задачей данного курса стало изучение и введение в постоянное пользование словаря терминов современного искусства на русском жестовом языке, незадолго до этого разработанного командой отдела инклюзивных программ Музея «Гараж» и группой независимых экспертов — носителей РЖЯ.

Научная сотрудница Московского музея современного искусства Полина Зотова так прокомментировала участие музея в программе:

— Для ММОМА крайне важна доступность как выставочных, так и образовательных программ для всех категорий посетителей. Нам представляется, что посещение музея — это возможность получить новые знания и опыт и сформировать эмоциональную картину мира. Для более естественного протекания этого процесса знакомство с музеем должно происходить в комфортных для посетителя условиях и на понятном ему языке. На данный момент в музейном сообществе наблюдаются точечные включения программ на жестовом языке, в первую очередь с привлечением переводчиков жестового языка. Грамотные специалисты по искусству из среды глухих практически отсутствуют, точно так же как и подготовленные гиды, а ведь именно они могли бы стать проводниками культуры сообщества глухих. Миссия такого человека — быть «лицом» сообщества глухих посетителей, объединять их и формировать центр притяжения в музее. Именно поэтому мы поддержали инициативу Музея «Гараж» по подготовке глухих экскурсоводов. В первую очередь мы планировали познакомить будущих гидов с современным искусством, которое вызывает вопросы иногда даже у искушенного зрителя, выработать навыки анализа и критического осмысления произведения искусства, а также на собственном примере продемонстрировать способы подачи такого непростого материала.

В октябре 2016 года «Гараж» объявил открытый набор: потенциальный участник программы должен был быть студентом или недавним выпускником по специальности гуманитарного направления; любить современное искусство и хотеть сделать все возможное, чтобы его полюбило еще больше людей; быть открыт новым знаниям о современном искусстве и музеях и готов обучаться новым навыкам взаимодействия с аудиторией и ведения экскурсии на РЖЯ.

Помимо занятий по истории искусства, музеологии и лекций на базе коллекций институций — участников программы курс включал в себя мастер-классы по работе с информацией, самостоятельному исследованию, мастерству презентации и русскому жестовому языку.

Участники курса должны были уделять подготовке немало времени и регулярно выполнять самостоятельную работу с текстами и видеоматериалами. Также предусматривалась ежемесячная стипендия в размере 10 000 рублей.

Курс прослушали представители максимально различных профессий и возрастов, причины для участия в программе у людей также разнились. Так, Виктория Берлизова в качестве мотивации для участия указала недостаток экскурсионных программ для глухих детей и подростков, а Светлана Бобкова мотивировала свое участие именно возможностью получить знания напрямую от музейных специалистов. Мы старались, чтобы на протяжении всей подготовки каждый из будущих экскурсоводов задействовал свой индивидуальный багаж знаний, навыки выстраивания нарратива и манеры говорить.

Полина Зотова так описывала одно из занятий:

— При составлении лекций учитывался уровень подготовки аудитории: лекционная часть объединяла историческую и культурную составляющую, поскольку стояла задача погрузить слушателей в контекст, напомнить историю страны в выбранный период, а также сформировать представление о том, как и почему развитие русского современного искусства принимало те или иные формы. Соответственно, в презентации к занятиям включались фото- и кинохроника тех лет; фрагменты фильмов, посвященные художникам или значимым событиям в истории страны; фотографии газетных и журнальных разворотов... Лекционный материал содержал не только характеристики исторического периода и направления в искусстве, но и анекдотичные случаи или показательные факты из жизни страны, личные истории и прямую речь художников. Каждое занятие по возможности побуждало слушателей к обратной связи и обсуждению — участникам задавались вопросы и приветствовались вопросы от них. Для лучшего усвоения материала после лекционной части занятия проводилась практическая, в ходе которой выполнялись различные задачи: от создания коллажей до анализа картин. Практическая составляющая занятий была направлена на личное освоение и переживание материала, изложенного в лекционной части.

Под руководством российских и зарубежных специалистов — музеологов, культурологов, искусствоведов, историков — участники курса получили знания по истории искусства, познакомились с устройством современных музеев и провели собственные экскурсии, которые посетило более 290 человек. Каждый блок программы завершался тестированием и сдачей маршрута комиссии, которая состояла из автора программы, сотрудника учреждения культуры и глухих посетителей. 9 февраля 2018 года директор Музея современного искусства «Гараж» Антон Белов вручил сертификаты об окончании курса Виктории Берлизовой, Светлане Бобковой, Михаилу Веселову, Артуру Водолагину, Валентине Даниловой, Анне Доронковой, Людмиле Жадан, Павлу Родионову и Геннадию Тихенко. Новые экскурсоводы решили объединиться в организацию под названием «Жест в музее» для проведения экскурсий на жестовом языке в различных культурных институтах Москвы и популяризации искусства среди глухих и слабослышащих.

Среди основных сложностей, с которыми столкнулись участники курса, можно выделить следующие:

- большой объем знаний о культуре и искусстве, которым необходимо овладеть в сжатые сроки;
- отсутствие навыков написания эссе (в качестве альтернативы мы предлагали создать рассказ на РЖЯ);
- небольшая практика говорения на РЖЯ, а также общее смущение и неуверенность (по этой причине один из модулей вел режиссер и актер театра «Недослов» Алексей Знаменский; речь шла о самопрезентации и выразительности жестового языка).

Мы как авторы курса полагаем, что его главная задача — не научить быть экскурсоводом, а дать новые знания, структурировать уже имеющиеся и поддержать каждого из участников в индивидуальной манере подачи материала. Имея обширный опыт подготовки программ медиации, сотрудники образовательного отдела «Гаража» стремились указать на множество возможных стилей ведения экскурсии, способы удержания внимания аудитории и разнообразие маршрутов, которые разнились от институции к институции. Однако многие из участников отметили, что считают такой подход недостатком, и хотели бы, чтобы программа давала «рецепты» удачных маршрутов.

Измерить эффективность подобных программ довольно непросто. Однако мы уверены, что помимо каскадного распространения знаний, увеличения видимости глухих внутри музея и увеличения количества глухих посетителей в культурных учреждениях, данная программа изменит (и уже изменяет) тонкие институциональные процессы. На данный момент участники курса выстраивают отношения с командами московских музеев, нарабатывают новые профессиональные связи и практикуют новую профессиональную этику, основанную на солидарности.

Вот как описывает одна из участниц курса, Светлана Бобкова, нынешнюю форму существования экскурсоводов:

— «Жест в музее» — это сообщество глухих экскурсоводов. Наша задача — сделать музеи доступными для глухих без переводчика. Для нас важно говорить с посетителями на одном языке, именно так и появилось наше название. Мы хотим работать в разных музеях, не конкурируя при этом и не переманивая аудиторию друг у друга. Мы стараемся, чтобы график экскурсий по возможности различался, а сами экскурсии готовим для разных возрастных категорий: для взрослых, для детей... Наши экскурсоводы тоже не одинаковы: кто-то говорит на РЖЯ, а кто-то пользуется КЖР — и конечно, каждый из них собирает свою аудиторию. Процесс взаимодействия и работы с музеями пока не пришел к единому стандарту, но общая схема уже существует: мы распределяем свои ресурсы — кто к какой выставке готовится, музей предоставляет материалы для подготовки; затем проводится аттестация — сдача экскурсионного маршрута сотрудникам музея с участием переводчика жестового языка. Аудиторию на экскурсии сначала мы привлекали совместно, помогая друг другу, но сейчас функцию привлечения должна выполнять информационная страница на Facebook, а со временем — и в других соцсетях. Со стороны музеев также имеются каналы продвижения информации в соцсетях: например, группы «Гараж для глухих», «Пушкинский для всех». Возможно, вскоре появятся и другие. Мы хотели бы работать не только с музеями изобразительного или современного искусства, но и с усадебно-парковыми комплексами, историческими музеями, проводить экскурсионные маршруты по городу.

Опыт в разработке и апробации подобных программ подготовки экскурсоводов — это опыт доверия со стороны институции, а также активная позиция самих экскурсоводов и их заинтересованность в создании новых аудиторий, новых знаний и новых социальных ситуаций. Очень важно, что подобные программы основаны

на сотрудничестве: переводчиков жестового языка и музейных сотрудников, институций и внештатных экскурсоводов, экскурсоводов и тех, кому еще предстоит побывать в музеях.

КУРС «МУЗЕЙ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ» МУЗЕЯ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА «ГАРАЖ»

Влад Колесников — сурдопедагог-дефектолог,
переводчик русского жестового языка

Социальные барьеры мешают глухому и/или слабослышащему человеку стать самостоятельным, не зависящим от помощи окружающих членом общества. Самый главный социальный барьер для глухого и слабослышащего — доступ к информации. Информационный барьер носит двусторонний характер. Во-первых, это затруднения, которые испытывает глухой непосредственно при получении информации (невозможность просмотра видео без субтитров, участия в культурно-массовых публичных мероприятиях, не предусматривающих наличия переводчика жестового языка). Чтение у глухих и слабослышащих затруднено в связи с педагогической запущенностью и отсутствием четкого представления об использовании жестового языка в образовании. Для глухого человека русский словесный язык зачастую выступает вторым, иностранным: родным же следует считать русский жестовый язык. Однако в детских садах и школах, даже в специализированных, жестовый язык не используется в процессе обучения, то есть глухой ребенок не учит русский язык с помощью жестового — все слова, все правила, все общение с взрослыми проходит на чужом для него языке. В связи с этим понимание грамматических основ затруднено, понимание смысла многих слов и текстов становится недоступным, и поэтому глухие и слабослышащие сильно искажают смысл прочитанного. Так, часта замена по внешнему сходству: слово «смешанный» глухой может воспринять как «смешной», «уголь» — «угол». Дело в том, что слово для глухого человека не единая смысловая единица, а совокупность нескольких элементов: последовательность слогов и букв в слове. По той же причине глухие и слабослышащие могут исказить смысл фразы. Общедоступные тексты (в интернете, газетах и журналах, в музеях и т. д.) не адаптированы под эти особенности. Во-вторых, глухим весьма трудно доносить свои взгляды, позицию и мнение, нужды и интересы до слышащего сообщества, что также затрудняет социальное взаимодействие.

Социальный барьер тесно связан с языковым, или коммуникативным, барьером — глухим и слабослышащим зачастую сложно в достаточной мере овладеть русским словесным языком, поскольку РЖЯ имеет иную лингвистическую структуру. Для глухого или слабослышащего ребенка эти трудности практически

непреодолимы в силу возрастных особенностей — словарный запас у глухих и слабослышащих детей гораздо меньше, чем у слышащих сверстников, а реакции затруднены в связи с отставанием в развитии, которое сглаживается только в подростковом возрасте.

Еще один барьер — эмоциональный — также наиболее труднопреодолим для детей. Конечно, взрослые глухие и слабослышащие также не застрахованы от этого барьера, но все-таки они к нему менее восприимчивы, чем дети. Эмоциональный барьер обычно складывается из непродуктивных эмоциональных реакций окружающих по поводу глухого или слабослышащего: слышащие (как дети, так и взрослые) могут быть чрезмерно любопытны, насмехаться над глухим и его ошибками, испытывать чувство неловкости или даже страха, сторониться глухого или слабослышащего. Такое поведение окружающих не может не повлиять на то, как сам глухой воспринимает себя. Зачастую дети испытывают жалость к себе, недоброжелательность по отношению к окружающим или даже стремятся спрятаться. Здесь стоит заметить, что глухие и слабослышащие не всегда верно понимают эмоциональные реакции окружающих, а потому иногда кажется, будто глухой отстранен и безэмоционален, и это, конечно, тоже затрудняет общение.

У музея как у институции всегда была очень важная и сложная роль — хранение и структурирование знаний. Но несмотря на просвещенческий и образовательный потенциал, который несет в себе коллекция любого музея, довольно часто эта институция грешила менторским тоном при разговоре с посетителем. Однако на протяжении XX века огромное количество внешних сил пошатнуло авторитарный голос музея и заставило усомниться в том, насколько актуальна и корректна позиция «сверху» в общении с посетителями. И вот, в XXI веке музей занял активную позицию в диалоге с разными сообществами и начал создавать программы для самой разной аудитории. Так, появились детские и семейные мероприятия, а позднее — для людей с инвалидностью.

Программы для глухих и слабослышащих — новый опыт для российского художественного пространства. Так, курс «Музей для начинающих» в Музее современного искусства «Гараж» запущен в декабре 2016 года. «Музей для начинающих» — программа, цель которой — преодоление барьеров между слышащими и слабослышащими и глухими детьми, вызванных образовательной системой и системой культурного досуга. Занятия проходят как на территории детских специализированных образовательных учреждений, так и в пространстве Музея.

Сообщество глухих имеет свои особенности, о которых подробно рассказано в статье «Сообщество глухих: что мы имеем в виду?» в настоящем сборнике. Здесь же представляется важным отметить тот факт, что при подготовке мероприятия для глухой и слабослышащей аудитории необходимо заранее узнать о составе группы, ее особенностях, поскольку опыт каждого глухого и слабослышащего индивидуален.

Музей способен сместить границы множества социальных барьеров: посредством инклюзивного досуга или образовательной программы, затрагивающей темы, которые не будут освещены в школе. Однако, чтобы образование и досуг были доступны глухому и слабослышащему ребенку, важно помнить об особенностях его развития. Учитывая эти особенности, нужно обеспечить следующее:

- Доступный способ получения информации (субтитры к видео; жестовый язык на занятиях и мероприятиях; тексты, учитывающие особенности восприятия глухих и слабослышащих; дополнительные визуальные материалы).
- Удобную для глухих и слабослышащих организацию пространства (рассадка/расстановка полукругом при небольшом количестве детей; рассадка на возвышенности по принципу лестницы при большом количестве; правильное освещение в помещении).

«Музей для начинающих» рассказывает глухим и слабослышащим детям дошкольного возраста о том, зачем нужны музеи, какими они бывают, в частности речь идет о художественных музеях и, уже, музеях современного искусства. Как показал опыт «Гаража», не все глухие и слабослышащие дети знакомы с искусствоведческой терминологией, которая используется во время экскурсии и которая понятна их слышащим сверстникам. Так что «Музей для начинающих» призван восполнить этот пробел, дать глухим и слабослышащим детям то, чего не дают специальные образовательные учреждения (учебная программа таких заведений не предусматривает активных посещений музеев ввиду их недоступности).

Курс «Музей для начинающих» это также опыт плодотворной коммуникации между всеми участниками образовательного процесса. Так, педагог Музея обязательно согласует программу с педагогом образовательного учреждения — это позволяет учесть наполняемость

курса, индивидуальные особенности каждого ребенка, уровень подготовки детей в целом. Также согласовываются темы занятий — важно знать, насколько они переплетаются с образовательной программой учреждения. Время проведения занятий курса выбирается в соответствии с расписанием дня учреждения. Для закрепления материала и получения обратной связи после проведения каждого занятия педагог Музея рекомендует педагогу или воспитателю образовательного учреждения спрашивать у детей, что они узнали, понравилось ли им, все ли было понятно. К работе также подключают родителей — наилучшее усвоение материала осуществляется за счет многократного повторения и эмоционального отклика. Благодаря курсу глухие и слабослышащие дети узнают много нового, их словарный запас заметно обогащается: это можно заметить при личном общении с ребенком, а также из обратной связи педагогов и родителей. Еще один результат программы — освоение пространства Музея, что выражается в желании возвращаться и явном интересе ребенка при разговоре как о программе, так и о художественных институциях вообще. Это неудивительно, поскольку «Музей для начинающих» позволяет исследовать новое место максимально комфортно: в Музее не действует правило «Общаться только устно» — напротив, знания даются на понятном глухому или слабослышащему ребенку жестовом языке, здесь можно играть и взаимодействовать с пространством, с каждым следующим визитом открывая что-то новое.

Курс «Музей для начинающих» представляет собой несколько циклов занятий, каждый из которых включает в себя семь занятий. Шесть занятий проводятся на территории образовательного учреждения, одно — на территории Музея «Гараж». Занятия проходят дважды в неделю, каждый цикл рассчитан на три недели (максимальное число участников каждого цикла — 12 человек). Количество циклов оговаривается с образовательными учреждениями отдельно. Структура занятия, проводимого на территории образовательного учреждения, следующая: 20–25 минут отводится на теоретическую часть, 40 минут — на практическую. Во время теоретической части дети знакомятся с новыми понятиями и повторяют ранее изученное; практика — это мастер-класс, связанный с теоретической частью занятия.

Ниже приведен пример структуры занятия, проводимого на территории образовательного учреждения:

1. Приветствие, озвучивание плана занятия и повторение материала прошлого занятия;

2. Основная часть (новая информация);
3. Закрепляющая практическая часть (игры, мастер-класс).

А вот пример структуры занятия, проводимого на территории Музея:

1. Встреча с сотрудником Музея;
2. Просмотр мультфильма об устройстве Музея;
3. Экскурсия;
4. Обед (по возможности организуется Музеем).
5. Мастер-класс, тематически связанный с той или иной выставкой и не дублирующий предыдущие мастер-классы.

В результате овладения программным материалом глухие и слабослышащие дети более вовлечены участвуют в экскурсиях и мастер-классах. Сам же Музей выходит на новый уровень организации работы с посетителями: он действительно заботится о том, чтобы каждому, даже самому маленькому глухому или слабослышащему посетителю было интересно, понятно и комфортно.

Отдельно стоит сказать, что следует работать не только с ребенком, но и с его семьей, вовлекать родителей в совместную деятельность, развивать семейный досуг. Становясь пространством, комфортным для семейного досуга глухих и слабослышащих, музей выстраивает отношения с будущими поколениями посетителей. Нынешние дети вырастут — и приведут ли они своих детей в музей, зависит от того, как сейчас в институции организована работа с глухими и слабослышащими.

Внутренняя свобода у сообщества глухих при взаимодействии с музеем — это не только комфорт, но и масса возможностей для развития, причем как зрителя, так и самого музея. Каждый из нас — неважно, слышащий он или нет, — имеет право на доступ к информации, поэтому художественные институции должны стремиться к созданию доступной среды. Именно поэтому столь важно, что программы наподобие «Музея для начинающих» позволяют войти в тесный контакт не только с неформальным сообществом глухих, но и с такими формализованными учреждениями, как детские сады и школы для глухих и слабослышащих.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Базоев В., Паленный В. Человек из мира тишины. — М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. С. 357–358.
2. Базоев, Паленный. Человек из мира тишины. С. 368.
3. Сакс О. Зримые голоса. — М.: АСТ, 2014. С. 24–25.
4. Малофеев Н. Специальное образование в меняющемся мире. Европа: учебное пособие для студентов пед. вузов — М.: Просвещение, 2009.
5. Сакс. Зримые голоса. С. 36.
6. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
7. Постановление Совета министров СССР «О мероприятиях по борьбе с глухотой и глухонемой и улучшению обслуживания глухонемых», принятое 27 декабря 1951 года.
8. Stokoe W. C. Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf, Studies in linguistics: Occasional papers (No. 8). Buffalo: Dept. of Anthropology and Linguistics, University of Buffalo, 1960.
9. European Parliament Resolution on Sign Languages for Deaf People (англ.).
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 25 сентября 2007 года № 608 «О порядке предоставления инвалидам услуг по переводу русского жестового языка (сурдо-переводу, тифлосурдо- переводу)».
11. В таких вузах, как Московский государственный лингвистический университет, Новосибирский государственный технический университет, Российский государственный социальный университет.
12. См. приказ Минздравсоцразвития РФ № 302н от 12 апреля 2011 года.
13. См. приказ Минтруда РФ № 515 от 4 августа 2014 года.
14. Цит. по: Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. — М., Управление делами Совнаркома СССР, 1943. С. 795.
15. Инструкция Коллегии Министерства социального обеспечения РСФСР от 10 декабря 1959 года «О порядке снабжения инвалидов протезно-ортопедическими изделиями».
16. Закон принят 24 ноября 1995 года и действует по настоящее время в поздних редакциях, в основе этого закона — Декларация о правах инвалидов.
17. Приказ Министерства здравоохранения СССР от 18 августа 1975 года «О порядке медицинского освидетельствования и допуска к управлению автотранспортом глухих и тугоухих лиц».
18. Здесь и далее может встречаться написание «Глухой» с заглавной буквы при переводе из первоисточника. В англоговорящих странах, где получила распространение концепция Deafhood, может встретиться написание D/deaf people. Если deaf подразумевает нарушение слуха и максимально близко к русскоязычному «глухой», то Deaf отражает принадлежность к особой группе и происходит от понимания глухих как совокупности людей, объединенных общностью жестового языка и культуры, — по аналогии с различными национальностями, которые в английском языке пишутся с заглавной буквы (Паленный, 2014. С. 297).
19. См.: Hughes and Paterson, 1997, и др.
20. Kyle and Allsop. Sign On Europe: A Study of Deaf People and Sign Language in the European Union. Bristol: Centre for Deaf Studies, University of Bristol, 1997; Matthews, P. A. The Irish Deaf

- Community, Volume 1: Survey report, history of education, language and culture, 1996; ITE. Gordon R. G. (ed.). *Ethnologue: Languages of the World*, 15th edition, Dallas, Texas, 2005.
21. Браудо Т., Комарова А. Памяти Учителя, Галины Лазаревны Зайцевой // Культурно-историческая психология. — 2006. № 3.
  22. Reducción de las letras y arte para enseñar a hablar a los mudos (исп.).
  23. Зайцева Г. Жестовая речь. Дактилология: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000.
  24. History of sign language. URL: start-american-sign-language.com/history-of-sign-language.html.
  25. Зайцева. Жестовая речь. Дактилология.
  26. Зайцева. Жестовая речь. Дактилология.
  27. Цит. по: Миланская конференция 1880 года // Лаборатория лингвистики жестового языка. URL: signlang.ru/2011/02/01/миланская-конференция-1880-года.
  28. Зайцева. Жестовая речь. Дактилология.
  29. List, G., Wloka M., List G.: Education of the Deaf in Germany. Brelje, H. William (ed.). *Global Perspectives on the Education of the Deaf in Selected Countries*. Butte Publications Inc. 2009, pp. 113–139.
  30. Флери В. Глухонемые, рассматриваемые в отношении к способам образования, самым свойственным их природе. — СПб, 1835.
  31. История ВОГ. Т. 2: Составитель В. Паленный — М., 2010.
  32. Выготский Л. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995.
  33. Боскис Р, Морозова Н. О развитии мимической речи глухонемого ребенка // Вопросы учебно-воспитательной работы в школе для глухонемых. — М., 1939.
  34. Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания. — М.: Госполитиздат. 1953. С. 39.
  35. Baker R., Knight P. 'Total Communication' — current policy and practice. In Gregory S., Knight P., McCracken W., Powers S., Watson L. (eds.): *Issues in Deaf Education*. London: David Fulton, 1998, pp. 77–88.
  36. Conrad, R. *The Deaf School Child*. Harpur & Row Ltd, 1979.
  37. Подробнее см.: Зайцева Г. Жест и слово. — М., 2006.
  38. Комарова А. Билингвистическое обучение в России: история и проблемы. // Бюллетень. Сост. В. Паленный. — М.: МГО ВОГ, 1999.
  39. Wickham C. Teachers Beliefs about BSL and their Perception of Children's Signing. In Woll, Bencie (ed.) *Language Development and Sign Language. Papers from the Seminar on Language Development and Sign Language*, Bristol 1986. Monograph Number 1. International Sign Linguistics Association. Centre for Deaf Studies, University of Bristol, 1989.
  40. Heiling K. Education of the Deaf in Sweden. In Brelje, H. William (ed.). *Global Perspectives on the Education of the Deaf in Selected Countries*. Butte Publications Inc., pp. 358–365.
  41. Браудо, Комарова. Памяти Учителя.
  42. Watson L., Parsons J. Supporting deaf pupils in mainstream settings. In Gregory S., Knight P., McCracken W., Powers S., Watson L. (eds.): *Issues in Deaf Education*. London: David Fulton, 1998, pp. 135–142.

43. Knoors H. The Education of Deaf Children in the Netherlands. In Brelje, H. William (ed.) 1999: Global Perspectives on the Education of the Deaf in Selected Countries. Butte Publications Inc., 1999, pp. 249–260.
44. Leeson L. Signs of Change in Europe: Current European Perspectives in the Status of Sign Languages. In Patrick McDonnell (ed.): Deaf Studies in Ireland: An Introduction. Doug McLean Publishing, 2004, pp. 172–197.
45. Stevens H. Equal rights for Deaf People: From Being a Stranger in One's Own Country to Full Citizenship. Paper presented at the International Conference on Deaf Education, 17–20 July 2005.
46. Stevens H. Equal rights for Deaf People.
47. Wickham C. Teachers Beliefs about BSL and their Perception of Children's Signing.
48. Федеральный закон от 30 декабря 2012 года № 296-ФЗ «О внесении изменений в статьи 14 и 19 Федерального закона "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации"».
49. Басова А., Егоров С. История сурдопедагогики: Учеб. пособие для студентов дефектол. фак. пед. ин-тов — М.: Просвещение, 1984.
50. Дьячков А. Воспитание и обучение глухонемых детей. Историко-педагогическое исследование. — М., 1957. С. 83.
51. Речицкая Е. Сурдопедагогика. Учебник для вузов. — М.: ВЛАДОС, 2004.
52. Большаков Н. От девиации к идентичности: трансформация научных подходов к пониманию глухоты // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2016. Т. XIX. № 2 (85). С. 163.
53. Басова, Егоров. История сурдопедагогики.
54. Басова А. Очерки по истории сурдопедагогики в СССР. — М., 1965. С. 5.
55. Речицкая. Сурдопедагогика.
56. Речицкая. Сурдопедагогика.
57. Басова, Егоров. История сурдопедагогики.
58. Басова, Егоров. История сурдопедагогики.
59. Зайцева. Жестовая речь. Дактилология.
60. Зайцева. Жестовая речь. Дактилология.
61. Басова, Егоров. История сурдопедагогики.
62. Басова, Егоров. История сурдопедагогики.
63. Речицкая. Сурдопедагогика.
64. Речицкая. Сурдопедагогика.
65. Речицкая. Сурдопедагогика.
66. Басова, Егоров. История сурдопедагогики.
67. Речицкая. Сурдопедагогика.
68. Басова, Егоров. История сурдопедагогики.
69. Создание таких условий, в которых все участники образовательного процесса общаются между собой только посредством голоса — независимо от того, глухой ребенок

или слабослышащий: учителя, воспитатели, медицинский персонал школы общаются с ним только устно и требуют от ребенка устного ответа.

70. Речицкая. Сурдопедагогика.

71. Данная статья основана на результатах исследования глухой и слабослышащей молодежи Москвы. Исследование включало в себя онлайн- и офлайн-анкетирование, а также было дополнено экспертным опросом. О методологии исследования подробнее см.: Паттерны культурного потребления глухих: инклюзия или изоляция // Журнал исследований социальной политики. — 2017. Т. 15. № 1. С. 51–66.

72. На момент проведения исследования в московских музеях отсутствовали экскурсии, проводимые глухими экскурсоводами, однако можно предположить, что подобные мероприятия также способствуют групповой инклюзии представителей данной группы.

МУЗЕЙ ОЩУЩЕНИЙ: ГЛУХИЕ И СЛАБОСЛЫШАЩИЕ ПОСЕТИТЕЛИ. ОПЫТ МУЗЕЯ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА «ГАРАЖ»

Сборник материалов

Музей современного искусства «Гараж»

Дарья Жукова, Роман Абрамович,
основатели

Антон Белов, директор

Ася Тарасова, руководитель
департамента выставочных,
просветительских и научных
проектов

Дарья Котова, руководитель
департамента развития,
маркетинга и рекламы

Редактор-составитель

Мария Сарычева

Тексты

Никита Большаков
Мартин Ваттел
Рос Ваттел
Ирина Гинзберг
Влад Колесников
Анна Комарова
Максим Ларионов
Виктор Паленный
Мария Сарычева
Маркус Дикий Хорли
Эммануэль фон Шак

Редактор

Александра Кириллова

Над сборником работали

Екатерина Владимирцева
Влад Колесников
Галина Новоторцева
Марина Потанина
Лада Талызина
Александра Филипповская

Дизайн

Оля Никитина